А. К. Барышникова (Куприяниха)

Сказки

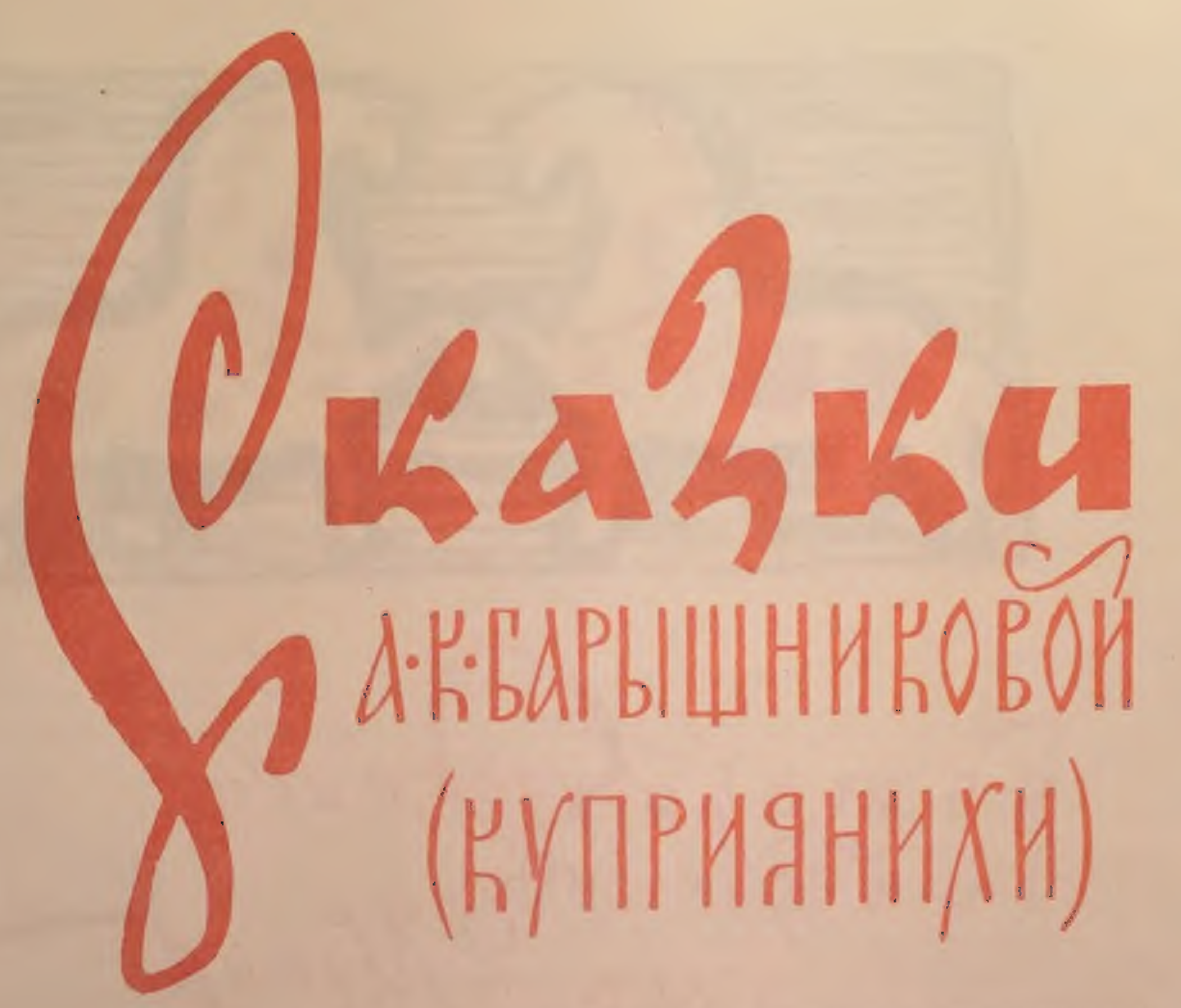

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„Советская
Россия"

Литературная обработка М. М. Сергеенко

Москва · 1971

Художники
В. Лосин
Е. Монин
В. Перцов

Золотой конь

В некотором царстве, в некотором государстве жил старик со старухой. Старик охотою промышлял, старуха дома хозяйничала.

Жаден старик, а старуха еще пуще. Что старик ухлопает, то старуха слопает.

Вот встает рано утром старик и говорит:

— Поднимайся, старуха! Разогревай сковородку, пошел я на охоту.

Ходил-ходил старик по лесу, ни зверя, ни птицы не нашёл. А старуха сковородку грела, пока не покраснела.

Идет старик домой с пустой сумой. Видит — сидит на гнездышке птичка, под ней двадцать одно яичко.

Хлоп! Убил ее.

Приходит домой.

— Ну, старуха, принес я закуску!

— А что же ты, старик, принес?

— Да вот убил на гнездышке птичку, взял под ней двадцать одно яичко.

— Ах ты, дурак старый! Не надо было птицу бить. Яйца-то ведь они, насиженные, никуда не годные. Садиська теперь сам, доводи их до дела.

И птицу жарить не захотела.

Не стал старик перечить, сел в лукошко вместо наседки.

Сидел двадцать одну неделю. Высидел не двадцать птенцов, а двадцать молодцов. Одно яйцо осталось.

Старуха не унимается.

— Сиди, — говорит, — чтоб было кому работать, коров пасти, хозяйство блюсти.

Просидел он еще двадцать одну неделю.

Старуха с голоду померла, а старик вывел на свет красавца молодца и назвал его Иваном.

Живет старик, поживает, добра наживает. Названные дети с утра до вечера работают. А старик похаживает, брюхо поглаживает, на работников покрикивает.

Разбогател. Землю пшеницей засеял.

Пришло время убирать. Наставили братья скирдов видимо-невидимо.

Стал старик примечать, что скирды пропадают.

Зовет своих молодцов:

— Надо, дети, караулить!

Назначил всем черед — по ночи каждому сторожить. Ивану последняя ночь досталась.

Братья караул проспали, ничего не видали.

Настала Иванова очередь.

Пошел он в кузницу, отковал молот в двадцать пять пудов, в полтора пуда железные удила. Из пуда конопли узду свил.

Сел под скирдом, караулит.

До полуночи просидел. Слышит конский топот: кобылица бежит, под ней земля дрожит, за ней двадцать один жеребенок.

Топнула она ногой, развалился скирд, жеребята его вмиг разметали.

Ударил Иван кобылицу молотком между ушей. Села она на коленки. Обратал ее Иван и повел вместе с жеребятами к себе во двор. Ворота на засов, а сам спать лег.

Встает утром старик.

— Ты что спишь, Иван, бездельник?

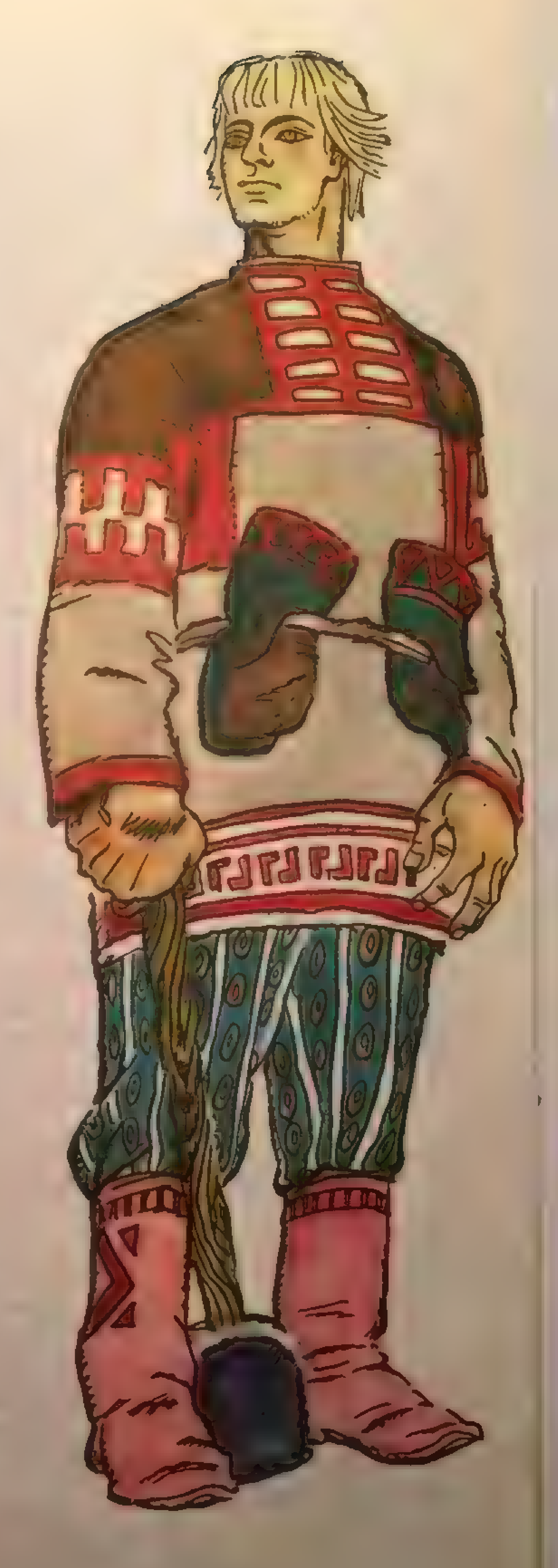
— Нет, батюшка, я не бездельник, — отвечает Иван. — Приказ я твой выполнил.

Посмотрел старик — полный двор лошадей.

Похвалил Ивана перед братьями:

— Вот у меня Иван какой! А вы что? Дураки нерачительные...

Стали они лошадей делить. Старик взял кобылицу. Старшие братья на выбор лошадей

облюбовали, а Ивану достался самый захудалый жеребеночек.

Вот собираются братья на охоту. Садятся на резвых коней.

Иван своего жеребеночка попробовал — положил руку ему на спину. Гнется жеребеночек, на все четыре ноги садится. Тяжела для него хозяина рука.

Пустил его Иван на сутки в луга.

На другой день положил руку — не гнется жеребеночек. Положил ногу — гнется. Пустил еще на сутки в луга.

На третий день приводит Иван коня. Кладет ногу — не гнется. Сам садится — гнется конь. Пустил опять на сутки в луга.

На четвертый день садится Иван на своего коня — не гнется под ним конь.

А братья давно уже уехали на охоту.

Едет Иван по чистому полю, догоняет братьев.

День проходит, второй проходит — не видно в чистом поле никого. Вот третий день кончается, ночь наступает. Смотрит Иван — похоже, виднеется огонек.

«Знать, братья мои кашу варят».

Ближе подъезжает — все видней да жарчей огонь.

Подскакал Иван, а это золотое перо лежит.

Жалко Ивану расстаться с золотым пером. А конь ему человеческим голосом говорит:

— Не подымай, Иван, золотого пера, большая беда будет!

Не послушал Иван коня, поднял перо и за пазуху спрятал.

Съезжаются братья домой. Дает им старик приказ вычистить коней:

— Буду нынче смотр делать.

Дал он старшим братьям щетки да мыло. Ивану ничего не дал.

Приуныл Иван. А конь его говорит:

— Не печалься, хозяин. Возьми золотое перо, махни туда-сюда — все будет как надо.

Вот братья повымыли, повычистили своих коней, а Иван только пером махнул: стал конь золотой, волос к волосу лежит, в гриву алые ленты вплетены, на лбу звезда сияет.

Выводят старшие братья на смотр старику своих коней. Все кони чисты, все хороши.

А Иван вывел — еще лучше. Конь пляшет золотой.

— Эх, вы! — говорит старик. — Какой плохонький конек ему достался, а сейчас лучше ваших всех.

Взяла братьев ревность:

— Давайте, ребята, придумаем, что бы такое на Ивана наговорить.

Приходят к старику:

— Ты, батюшка, не знаешь, какой наш Иван хитрый. Он нам не тем еще хвалился.

— А чем же он хвалился, ребята?

— Я, — говорит, — не то, что вы. Захочу, достану кота-игруна, гусака-плясуна и лисицу-цимбалку.

Поверил старик. Призывает Ивана.

— Тут ребята про тебя говорят, что ты можешь достать кота-игруна, гусака-плясуна и лисицу-цимбалку.

— Нет, батюшка! Ничего я об этом не знаю.

— Как так не знаешь? Ты мне не перечь! Ни к чему мне такая речь. Хоть и не нужны они мне, а чтобы достал их непременно!

Загоревал Иван, пошел к своему коню на совет:

— Ох, верный мой конь, беда мне...

А конь говорит:

— Это — беда не беда, впереди будет беда. Садись на меня, поедем добывать заказанное.

Отправляется Иван в чужие города.

Остановился конь у высоких хором и говорит:

— Живет здесь богатый купец. Ступай к нему, проси продать кота-игруна, гусака-плясуна и лисицу-цимбалку. Будет просить он в обмен твоего коня. Ты соглашайся. Только смотри, когда будешь меня отдавать, сними с меня узду.

Сделал Иван, как велел конь. Отдал ему купец кота-игруна, гусака-плясуна, лисицу-цимбалку, а Иван — взамен своего золотого коня.

Уздечку снял. Говорит:

— Уздечка у меня дареная, непродажная.

Вышел в чисто поле, слышит — земля дрожит. Подбегает к нему верный конь.

— Ну, поедем домой, хозяин. Ушел я от купца.

Привез Иван старику подарки. Сбежались братья смотреть на диво. Лисица в цимбалы бьет, кот песни играет, гусак пляшет.

— Эх, вы! — говорит старик братьям. — Никуда вы не годны. Вот Иван у меня голова — все исполнил мои дела!

А те в ответ:

— Ох, батюшка, Иван не то еще знает. Сам хвастался.

— А что? Что он знает, ребята?

— Он нам, батюшка, говорил: «Я знаю, где гусли-самоигры достать».

Призывает старик Ивана:

— Иван, привези мне гусли-самоигры!

— Ох, батюшка, я их видать не видал, слыхать про них не слыхал.

Рассердился старик.

— Надоели, — говорит, — мне твои отпоры! Ты мне не перечь! Ни к чему мне такая речь. Чтобы достал гусли-самоигры!

Пошел Иван к коню на совет:

— Ой, конь мой верный! Вот пришла моя беда!

Конь ему отвечает:

— Это — беда не беда, впереди будет беда. Иди спать. Утро вечера мудренее.

Встает Иван рано, седлает золотого коня, отправляется в густые леса.

Ехали-ехали. Видят: стоит избушка на курьих лапках, на собачьих пятках.

Говорит Иван:

— Избушка, избушка, стань ко мне передом, на запад задом.

Повернулась избушка. Выходит из нее Баба-Яга, костяная нога — на ступе ездит, метлой подметает, пестом погоняет.

— Ах ты, добрый молодец! — говорит. — Зачем сюда заехал? Или тебе головы не жалко?

Иван ей отвечает:

— Эх, бабушка ты, старушка! Не спросила ты, какое у меня горе-беда! Накормлен ли я, напоен ли я или с голоду помираю? У нас на Руси дорожного человека злым словом не встречают, добром привечают. Сперва накормят, напоят, а потом и разговор ведут.

Умилилась старушка его словам.

— Иди, — говорит, — парень, сюда. Моим гостем будешь.

Слезает Иван с золотого коня. Входит в избушку на курьих лапках, на собачьих пятках. Сажает его старушка за стол. Накормила, напоила, про горе-беду расспросила.

— Ах, бабушка! Горе мое

большое, — говорит Иван. — Как мне быть? Где мне гусли-самоигры добыть?

— Я, родимый, знаю, где эта диковинка.

— Ой, бабушка, расскажи, моему горю помоги!

— Парень-красота, жалко мне тебя. Трудное это дело. Есть у меня сестра, а у нее сын Змей-Горыныч. Так эти гусли у него. Не любит он духу человечьего. Боюсь, как бы он тебя не съел. Ну уж я постараюсь для тебя — сестру упрошу, тебе помогу. Вот мой двор, а посреди двора — дубовый кол. Привяжи к нему коня за шелковые повода. А я дам тебе клубочек, держи его за кончик. Будет он катиться, а ты следом иди.

Вот идет Иван, а клубочек впереди катится. Приходит ко двору Змея-Горыныча. Заперты ворота на двенадцати цепях, на двенадцати замках. Постучался Иван. Вышла старушка — мать Змея-Горыныча.

— Ох, парень молодой, зачем сюда зашел? Мой сын прилетит голодный, он тебя съест!

Отвечает ей Иван:

— Бабушка ты, старушка! Не спросила ты у меня, какая моя беда. Голодный ли я, холодный ли я? У нас на Руси дорожного человека злым словом не встречают, добром привечают. Сперва накормят, напоят, а потом и разговор ведут.

Умилилась старушка его словам, повела его в избу. Накормила, напоила, про беду-горе расспросила.

— Не печалься, парень-красота, — говорит. — Я твоему горю помогу.

Уже полночь подходит, скоро Змей-Горыныч прилетит. Надо Ивана прятать.

Старушка говорит:

— Ложись под лавку. Я буду сына встречать, тебя, парень, защищать.

Вот в полночь прилетел Змей-Горыныч. Летит — земля дрожит, деревья качаются, листья осыпаются.

Влетел в избу, повел носом и говорит:

— Русь-кость пахнет.

А старушка ему отвечает:

— И-и, сыночек! По Руси ты летал, Руси набрался, вот тебе Русью и пахнет.

— Собирай, мать, поесть, — говорит Змей-Горыныч.

Выдвигает старушка из печи целого быка, подает на стол ведро вина. Выпил Змей-Горыныч вина, поел сладко быка. Повеселел.

— Эх, мать, с кем бы мне в карты сыграть? — говорит.

Старушка отвечает:

— Я бы нашла, дитенок, с кем тебе в карты сыграть, да боюсь — вред ему от тебя будет.

— Уважу я тебя, мать, — говорит Змей-Горыныч. — Никакого вреда ему не сделаю. Больно мне охота в карты поиграть.

Позвала старушка Ивана. Вылазит он из-под лавки, садится за стол.

— А на что будем играть? — спрашивает Змей-Горыныч.

Сделали они между собой уговор: кто кого обыграет, тот того и ест.

Начали играть.

День играли, два играли, на третий день обыграли Змея-Горыныча.

Испугался Змей-Горыныч, на коленки становится, просит:

— Не ешь меня!

— Ну что ж, — говорит Иван, — хочешь жив остаться, отдай мне гусли-самоигры.

Обрадовался Змей-Горыныч.

— Бери! — говорит. — Будут у меня гусли еще втрое лучше!

Змей-Горыныч Ивана наградил, далеко проводил.

Приезжает домой Иван. Повесил в избе гусли-самоигры.

Запели, заиграли гусли. Лисица в цимбалы ударила. Кот песню завел. Гусак плясать пошел. Веселье началось. Хвалит старик Ивана, а братьев бранит, со двора гонит.

Задумались братья: как бы Ивана очернить?

Старший брат говорит:

— Знаете что, ребята? Слыхал я, есть в заморском царстве Марья-королевна. Уж ее-то Ивану не достать.

Пошли они к старику:

— Ты, батюшка, еще всего не знаешь про хитрость Ивана. Хвалился он нам, что Марью-королевну достать может.

Призывает старик Ивана.

— Тут братья сказывают, что ты Марью-королевну достать можешь.

— Ой, батюшка! Знать не знаю ничего о Марье-королевне!

Старик слушать не хочет:

— Ты мне не перечь! Ни к чему мне такая речь. Ступай немедля. Чтоб представил мне Марью-королевну!

Заплакал тут Иван, пошел к коню:

— Ой, конь мой верный. Вот беда мне какая!

А конь говорит:

— Это — беда не беда, впереди будет беда. Собирайся, хозяин, в дорогу.

Что Ивану делать? Забирает он с собой своего коня, гусли-самоигры, лисицу-цимбалку, кота-игруна, гусака-плясуна. Садится на корабль.

Плыли-плыли. Приплывают к тому государству, где Марья-королевна живет.

Отец-царь пуще ока дочку бережет. Марья-королевна даже по двору гулять никогда одна не выходила.

Распустил Иван паруса, остановил свой корабль против царского дворца. Заиграли гусли-самоигры. Ударила в цимбалы лисица-цимбалка. Запел кот-игрун. Пошел в пляс гусак-плясун.

Заметалась по двору Марья-королевна:

— Ой, батюшка! Я такой музыки отроду не слыхала! Пусти меня на пристань — корабль посмотреть, музыку послушать.

Ну что стоит царю со своими слугами да сенными девушками ее просьбу исполнить? Упросила она отца. Пустил он ее к морю корабль посмотреть, музыку послушать. А сенным девушкам приказал не спускать глаз с Марьи-королевны, чтобы беды какой не случилось.

Корабль у самой пристани стоит. На нем все окна отворены, людей не видно. Оперлась царская дочь на подоконник, заслушалась чудесной музыкой. Заслушались и сенные девушки.

Не заметил никто, как подхватил Иван Марью-королевну на свой корабль. И понесли их быстро паруса. Увез Иван Марью-королевну.

Прибыли они домой. Обрадовался старик, в пляс пустился. Плясал, покуда шапку не потерял.

— Теперь буду жениться, — говорит.

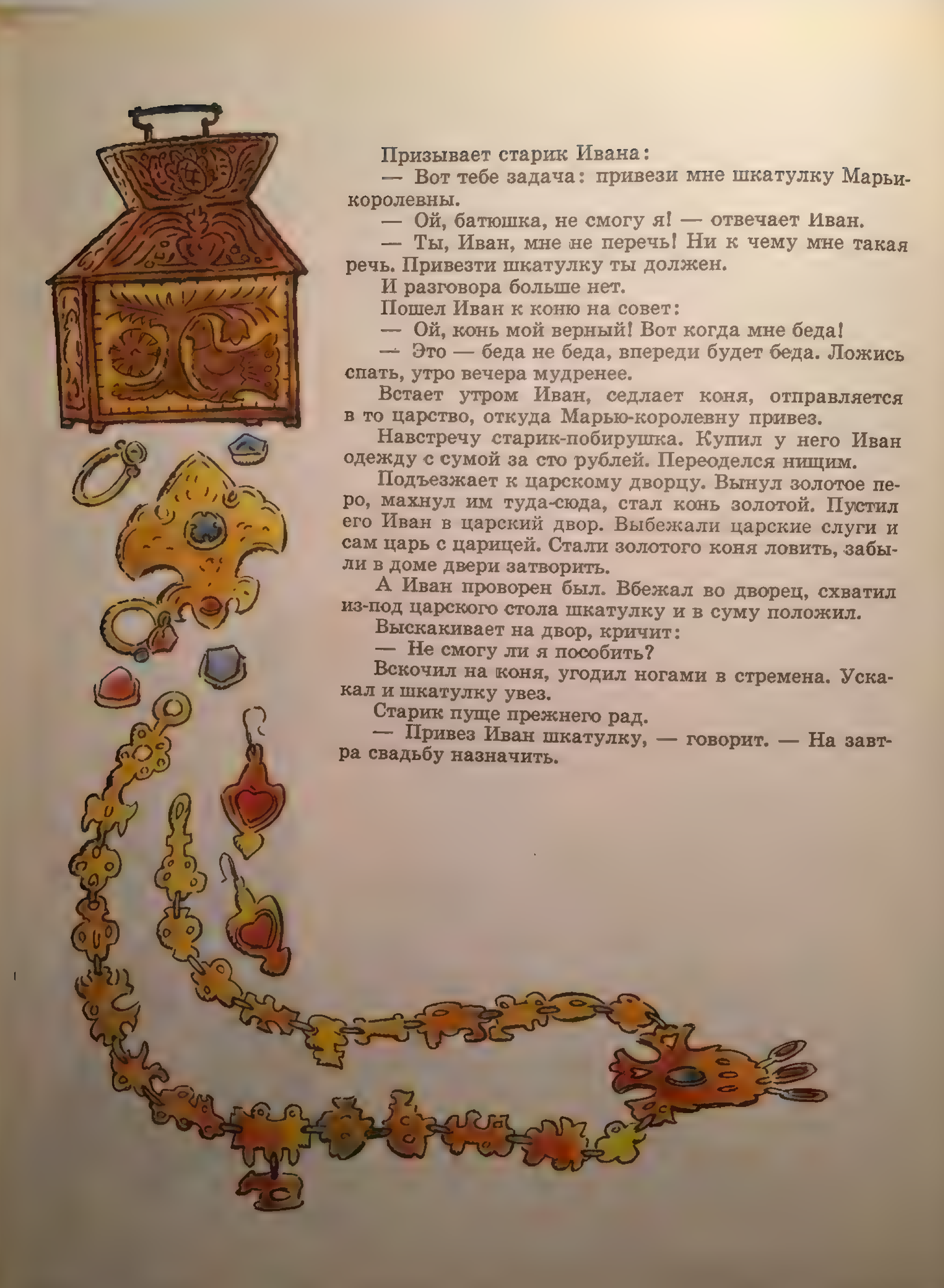
Марья-королевна отвечает:

— Нет, погоди! Сумел меня увезти, сумей и шкатулку мою с уборами унести.

— А где же твоя шкатулка?

— Стоит моя шкатулка под тем столом, на котором мой батюшка-царь обедает.

Призывает старик Ивана:

— Вот тебе задача: привези мне шкатулку Марьи-королевны.

— Ой, батюшка, не смогу я! — отвечает Иван.

— Ты, Иван, мне не перечь! Ни к чему мне такая речь. Привезти шкатулку ты должен.

И разговора больше нет.

Пошел Иван к коню на совет:

— Ой, конь мой верный! Вот когда мне беда!

— Это — беда не беда, впереди будет беда. Ложись спать, утро вечера мудренее.

Встает утром Иван, седлает коня, отправляется в то царство, откуда Марью-королевну привез.

Навстречу старик-побирушка. Купил у него Иван одежду с сумой за сто рублей. Переоделся нищим.

Подъезжает к царскому дворцу. Вынул золотое перо, махнул им туда-сюда, стал конь золотой. Пустил его Иван в царский двор. Выбежали царские слуги и сам царь с царицей. Стали золотого коня ловить, забыли в доме двери затворить.

А Иван проворен был. Вбежал во дворец, схватил из-под царского стола шкатулку и в суму положил.

Выскакивает на двор, кричит:

— Не смогу ли я пособить?

Вскочил на коня, угодил ногами в стремена. Ускакал и шкатулку увез.

Старик пуще прежнего рад.

— Привез Иван шкатулку, — говорит. — На завтра свадьбу назначить.

Марья-королевна отвечает:

— Погоди со свадьбой. Не все еще ты для меня сделал. Есть в море двенадцать кобылиц, пригони их мне сюда.

Призывает старик Ивана.

— Чтоб были мне двенадцать морских кобылиц!

Заплакал Иван и пошел к коню на совет:

— Ой, конь мой верный! Вот мне беда!..

Выслушал его конь и говорит:

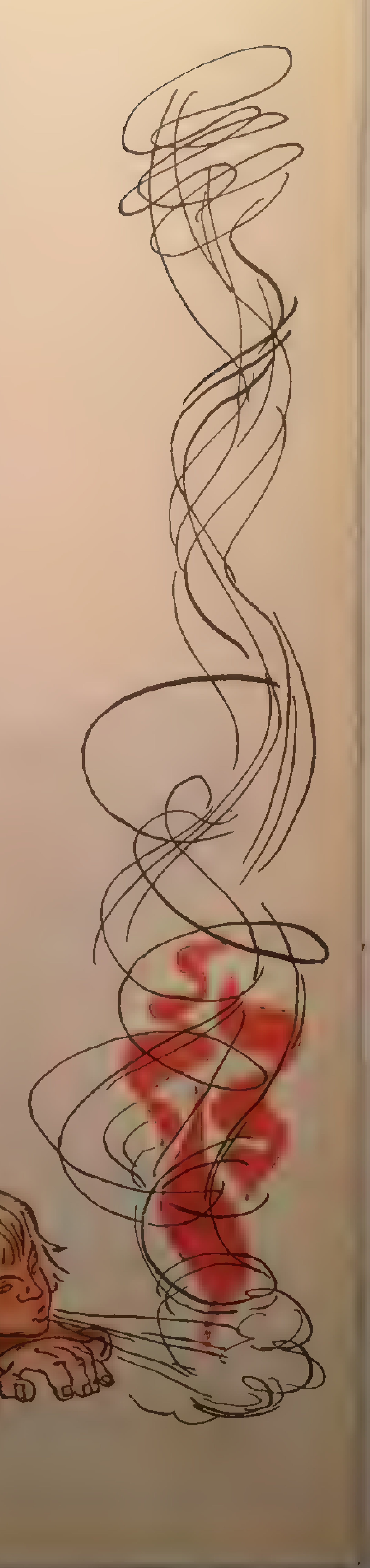
— Теперь беда. Ну, что будет, то будет. Готовь двенадцать кож, двенадцать пудов бечевы, двенадцать пудов смолы и три пуда железных прутьев. Поедем к морю за кобылицами.

Приготовил Иван все это. Подъезжают они к морю.

Развел Иван огонь, поставил на него котел со смолой. Кожами коня уматывает, бечевой увязывает, смолой заливает. Когда он двенадцать кож намотал, двенадцатью пудами бечевы увязал, двенадцатью пудами смолы залил, конь говорит:

— Смотри на то место, где я в море прыгну. Пойдут по воде белые пузыри, ты не тревожься: это я кобылиц из стойла выгоняю. А вот если кровавые пузыри увидишь, бери железные прутья и прыгай ко мне на помощь. Знай, что одолели меня морские кобылицы.

Прыгнул конь в море, а Иван сидит на берегу, на то место смотрит, где конь скрылся. Через два часа пошли по воде белые пузыри. Трех часов не прошло,

выскочили на берег морские кобылицы, а за ними Иванов конь.

Глядит Иван, осталась на коне только одна кожа непорванной. Одиннадцать кож морские кобылицы погрызли, копытами побили.

Пригнал Иван морских кобылиц домой. Марья-королевна ему говорит:

— Ну, Иван, сумей теперь от них надоить котел молока.

— Ой, Марья-королевна, — отвечает Иван, — не умею я их доить.

А старик стоит и приказывает:

— Ты мне не перечь! Ни к чему мне такая речь. Дои кобылиц без отказа!

Пошел Иван к коню на совет.

— Не горюй, хозяин, — говорит ему конь. — Это дело нехитрое.

Принялся Иван за работу. Надоил от морских кобылиц котел молока.

Говорит ему Марья-королевна:

— Надо теперь молоко кипятить. Как закипит ключом, скажешь мне.

Пошел Иван к коню на совет.

— Ой, конь мой верный! Какой мне приказ дают! Велят молоко кипятить.

— Не бойся, хозяин, — говорит ему конь. — Делай так, как я скажу. Закипит молоко, велят тебе прыгать в котел купаться. А ты стой и слушай: как заржу я в конюшне три раза, тогда прыгай.

Вскипятил Иван молоко. Из края в край закипело, ключом бьет.

Доложил Марье-королевне. Идет она со стариком к котлу.

Тот ее и на шаг от себя не отпускает.

Говорит она старику:

— Надо тебе в кипучем молоке искупаться, тогда я за тебя замуж пойду.

Испугался старик:

— Нет, пускай сначала Иван испробует.

Говорит Марья-королевна:

— Ну, Иванушка, все ты для меня сделал. Исполни и это: искупайся в кипучем молоке.

Котел ключом кипит, молоко через верх выплескивается. Снял Иван рубаху. Стоит возле котла, от верного друга известия ждет.

Заржал конь на конюшне три раза. Тут Иван в котел прыгнул. Три раза от края до края проплыл. Вышел на свет живой, невредимый.

И так хорош был, а теперь совсем красавцем стал: кровь с молоком.

Говорит Марья-королевна старику:

— Ну, прыгай теперь ты!

Прыгнул старик в котел, и развалились его кости.

Иванушка с Марьей-королевной повенчались.

Я у них была, чай пила. Они за мной ухаживали, меня углаживали, а я им сказки сказывала.

Иван-мужицкий сын

Завелись у мужика в скирдах крыса и мышь.

Мышь была заботлива, а крыса беззаботна — все бы ей по скирдам скакать. Только и знала — как бы своровать яичко либо цыпленка. А мышь точит и точит зерно, готовит себе муку на весь год.

Вот снегом все замело, а у крысы поесть нечего. Приходит она к мыши, просит взаймы муки. Дала ей мышь муки.

Весна подошла. У мыши вся мука вывелась. Пошла мышь с крысы долг спрашивать.

Ухватила крыса мышь за хвост, много горя той досталось: избила она мышь в прах.

Подает мышь на крысу прошение в суд.

Собрались звери и птицы, начали судить.

Крыса схитрила — всех перепоила: птиц и куниц, медведей и лисиц.

Орел главным судьей был. Вышел орел, прочитал приговор: оставить прошение мыши без последствий.

А мышь бойкая была. Видит, что неправильно присудил орел в крысину пользу. Дождалась, когда орел спьяну заснул, взяла и подгрызла ему крылышки.

Поехал мужик рано утром нарубить леску, истопить печку. И, вот тебе, наехал на пьяных зверюжин. Испугался, поворачивает лошадей обратно.

А орел говорит:

— Погоди, мужичок, не торопись, назад вернись, возьми меня с собой! Корми-пои, пока не поправлюсь, — я тебя отблагодарю.

Мужик год орла кормил.

Исправились у орла крылья. Он говорит:

— Полетим теперь ко мне!

Подхватил мужика, и полетели они к орлу.

Мужик в гостях у орла год был. Пил, ел, гулял — как прошел год, не видал.

Вот собирается он домой.

Дает ему орел берестяной коробочек.

— Возьми, — говорит. — Только не открывай, пока домой не придешь.

Шел-шел мужик и думает:

«Что же это за коробочек такой? Дай-ка я погляжу, что в нем».

Открыл он коробочек. Посыпались оттуда дома да амбары, лавки — полны товара. Никак он не закроет этот коробочек.

Где ни взялся колдун. Говорит:

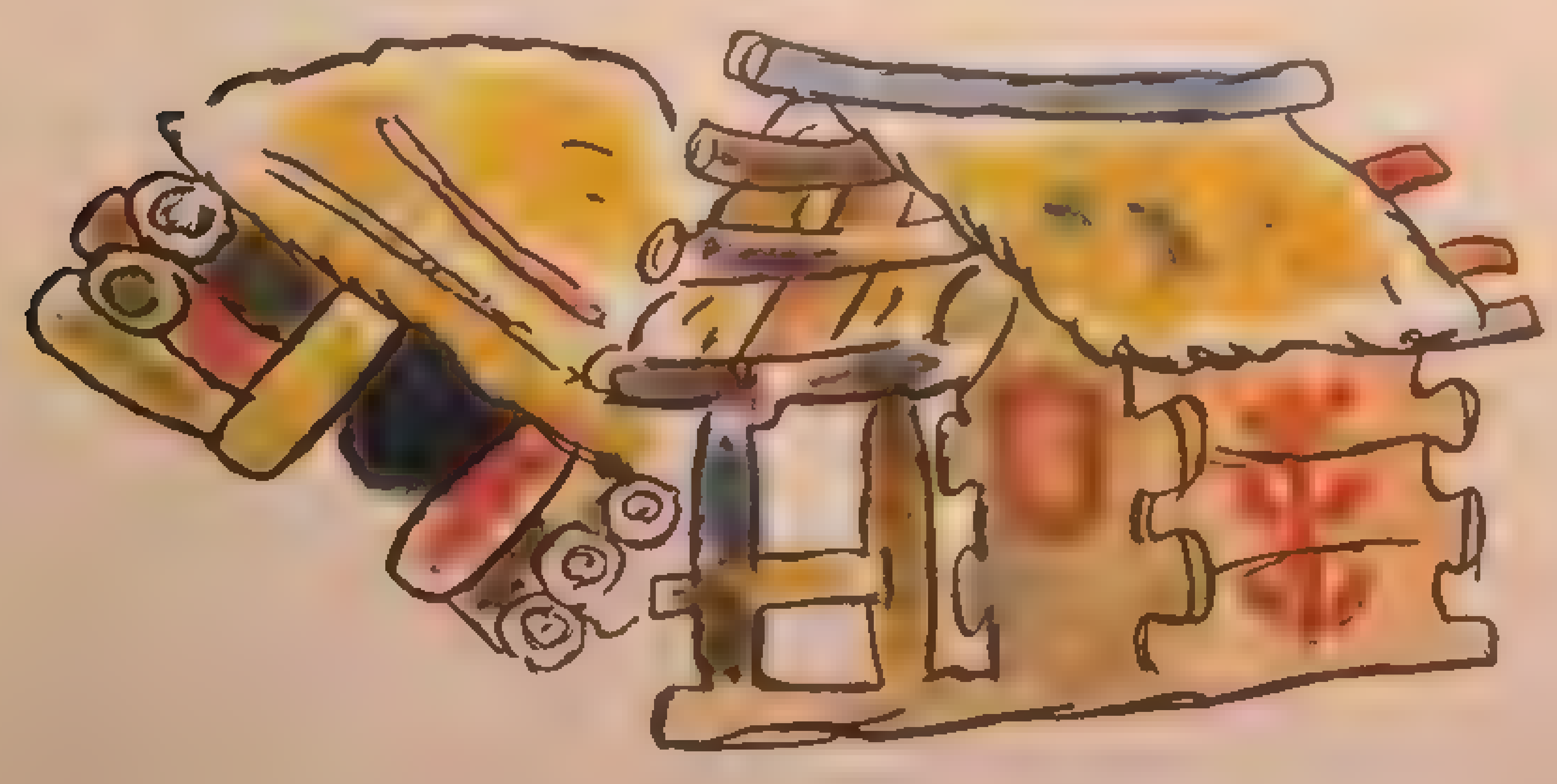
— Отдай мне то, чего дома не знаешь, а я тебе помогу.

Мужик подумал: «Все-то я дома знаю. Нечего мне бояться».

Ну и согласился отдать то, чего дома не знает.

Колдун договор написал. Дома, амбары и лавки в коробочек сложил.

Пришел мужик домой, глядит — жена его сына родила.

Мужик затосковал, весел с тех пор никогда не бывал. Положил договор в сундук, на самое дно, и никому о нем не сказал.

Живут они, поживают, сын с матерью ничего не знают. Коробочек открыли, амбаров понастроили. А мужик все невеселый.

Вот сравнялось Ивану двадцать два года. Полез он как-то раз в сундук и увидел договор.

— Что это? — спрашивает отца.

Мужик ему все рассказал.

— Эх, батя, — говорит Иван, — давно бы мне надо было сказать! Ну, не гневайся! Пойду твой долг платить.

Шел-шел, зашел в лес дремучий. Там стоит дом премогучий, кругом по балясинам человеческими головами обнесен, кожами человеческими обвешан.

Является Иван к колдуну.

Колдун говорит:

— Давно, давно пора, Иван — мужицкий сын, отцов долг заплатить, мне послужить! Ступай на кухню отдыхать. А завтра на работу.

Пошел Иван на кухню.

А у колдуна в кухарках красавица девица была. И Иван собой красавец. Полюбились они друг другу.

Рассказал Иван, откуда он и зачем пришел.

Красавица девица говорит:

— Плохи твои дела, Иван — мужицкий сын! Хочет тебя хозяин погубить — жизни лишить. Видишь посреди двора колоду? Велит он тебе завтра ее поколоть, порубить, в поленницу дрова сложить.

— То для меня дело пустое! — отвечает Иван. — Силой отец с матерью не обидели.

— Не хвались раньше времени, Иван — мужицкий сын! Колода та не простая. Тут не сила, а сноровка нужна. Деревья, что вокруг колоды стоят, такими, как ты, молодцами были. Станешь завтра колоду рубить, увидишь на комле маленький сучочек. Бей по тому сучку топором. Промахнешься — на себя пеняй.

Вот велит на другой день колдун Ивану колоду поколоть, порубить, в поленницу дрова сложить.

Берет Иван в руки топор. Размахнулся во все плечо и ударил по колоде.

Колода как лежала, так и лежит. А сам он в землю будто корнями врос.

Размахнулся Иван по второму разу. Сильней прежнего ударил.

Колода как лежала, так и лежит. А сам он по пояс дубовой корой оделся.

Тут испугался Иван. Вспомнил, что кухарка ему говорила. Приметил на комле маленький сучочек. Нацелился в него, попал топором.

Загремела колода, на поленья развалилась. Поленья сами в поленницу сложились.

Спали с Ивана чары.

Приходит он к колдуну, докладывает: выполнил приказ.

Вышел колдун во двор. Посмотрел — правда. Злоба его взяла, однако вида не показывает.

— Ну что же, — говорит, — спасибо за службу, Иван — мужицкий сын. Ступай на кухню отдыхать. Завтра будешь мне неезженого коня объезжать.

Приходит Иван на кухню, смеется.

— Это, — говорит, — для меня дело пустое, коня объезжать.

— Не хвались, Иван, раньше времени, — говорит кухарка. — Хочет тебя хозяин погубить, жизни лишить. Конь-то не простой будет. Дам я тебе три пуда железных прутьев. Когда станет конь подниматься кверху, бей ты его теми прутьями между ушей, сколько сил у тебя хватит.

Вот наутро подвели Ивану неезженого жеребца. Это сам колдун конем обернулся. Сел Иван верхом, поднялся конь выше лесов, чуть пониже облаков. Хочет Ивана на землю сбросить. А Иван к нему крепче прижимается, ногами бока давит, железными прутьями между ушей бьет.

Бил до тех пор, пока конь на землю не опустился.

Привязал Иван коня у подъезда. Приходит к колдуну. А тот уже обернулся человеком, лежит на постели, охает:

— Послужил ты мне хорошо и на этот раз, Иван — мужицкий сын. Ну, исполни еще мой приказ: искупайся завтра утром в моей бане.

Приходит Иван на кухню, рассказывает служанке, смеется.

— Разве это работа, — говорит, — в бане искупаться?

Та отвечает:

— Плохо тебе завтра будет, Иван — мужицкий сын! Хочет хозяин тебя живьем изжарить, кожу содрать, голову на балясину повесить. Ну, ложись спать, утро вечера мудренее.

Испекла она ночью пышку-говорушку. Посадила в баню. А сама с Иваном — бежать.

Приказывает колдун наутро слугам баню топить, докрасна раскалить.

Подходит, спрашивает:

— Как, Иван — мужицкий сын, хороша баня?

А пышка-говорушка Ивановым голосом отвечает:

— Баня не скоблена,
Три года не топлена,

Зуб на зуб не попадает.

Рассердился колдун на слуг, что плохо баню топят. Велел еще дров подложить.

Приходит снова, спрашивает:

— Как, Иван — мужицкий сын, хороша моя баня?

А пышка-говорушка отвечает:

— Баня не скоблена,
Три года не топлена,
Зуб на зуб не попадает.

Взялся колдун сам баню топить. Все дрова пожег. Спрашивает:

— Как, Иван — мужицкий сын, хороша моя баня?

Пышка-говорушка отвечает:

— Баня не скоблена,
Три года не топлена,
Зуб на зуб не попадает.

Открыл колдун дверь, а там пышка-говорушка. Хватился — и кухарки нет.

Снаряжает колдун погоню.

Слышит красавица девица, что погоня близко. Обернулась она свиньей, а Ивана пастухом сделала.

Подбегает погоня:

— Тут Иван — мужицкий сын не проходил?

Пастух отвечает:

— Нет, никого не было.

Вернулась погоня ни с чем. Колдун спрашивает:

— Никого не видали?

— Нет, никого. Только пастуха со свиньей повстречали.

— Это они самые и были!

Слышит красавица девица, что нагоняют. Сделала она Ивана конем, а сама обернулась репьем.

Возвращается погоня ни с чем.

Колдун спрашивает:

— Что же, никого не видали?

— Нет, никого. Только конь ходит, а на хвосте у него репей.

— Ах, это они самые!

Побежал колдун сам. Бежит — земля дрожит.

Слышит красавица девица — нагоняют.

Обернулась она морем, а Ивана селезнем сделала.

Стал колдун воду пить, чтобы море осушить. А селезень крякает:

— Чтоб ты лопнул! Чтоб ты лопнул!

Так оно и случилось: лопнул колдун и издох.

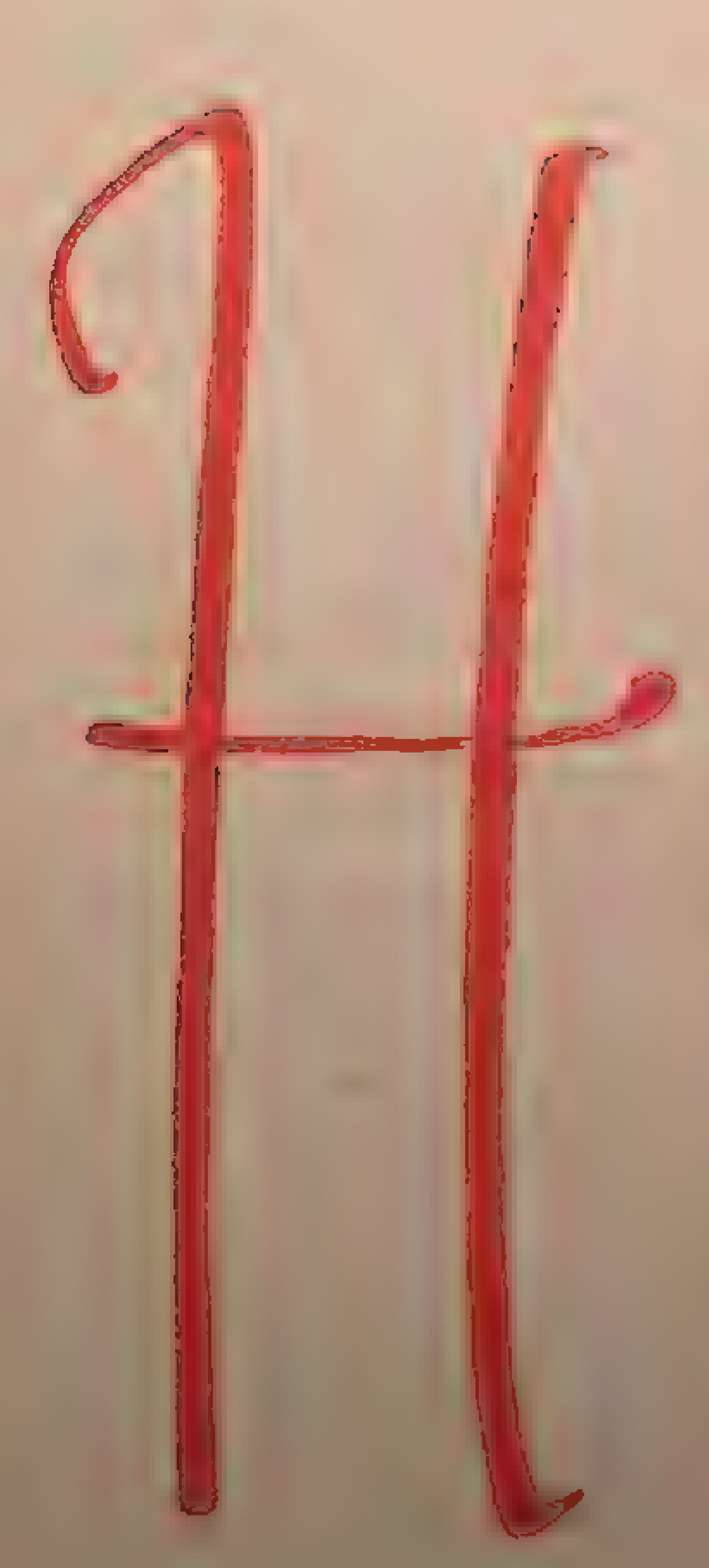
Прибежал Иван — мужицкий сын со своей невестой домой, к отцу-матери. Свадьбу сыграли. Стали они жить-поживать.

Все у них хорошо. Письма мне пишут, только я что-то тех писем не получаю.

Капризная невеста

Не помню, когда, в какие годы — то ли при царе Степане, а может быть, и ранее, — жил-был князь со своей княгиней. Была у них дочь — красавица невеста. Капризная была. Никак жениха себе не подберет. Тот не хорош, тот не таков, а тот еще хуже.

Часто князь давал балы для нее. Собирались гости со всего царства — молодые люди, барышни и так всякие кавалеры. Только, кто бы ни пришел, она над ними со своими сенными девушками все равно насмеется: либо курнос, либо недорос, либо глаз косит.

Вот однажды царский сын прибыл. Прослышал про красавицу невесту и решил счастье испытать.

Притихли гости, любуются на царевича.

А княжна глянула и говорит:

— Ух, какой пришел! А ведь знаете, этот парень на дрозда похож.

Громко сказала, вслух.

Смех между гостей пошел.

— Царевич-дроздовик, ха-ха-ха!.. Царевич-дроздовик, хи-хи-хи!..

Смутился царевич, обидно ему стало, к двери повернулся.

Старый князь разгневался, прикрыл бал и при всех дочери сказал:

— Нет моих сил терпеть твое своевольство! Не будет тебе больше пиров! Отдам тебя замуж за первого, кто завтра ко мне придет.

Царевич-дроздовик — уж его прозвали дроздовиком — услышал, уходя, эти слова.

Наутро рано одевается он в нищенскую одежду, лицо золой измазал, суму через плечо перекинул. Подходит под окошко князя. Заиграл на лире, просит милостыньку.

Князь говорит:

— Кто там?

Прислуга отвечает:

— Нищий.

— Позвать его сюда!

Позвали царевича-дроздовика в дом.

— Ты женатый? — спрашивает князь. — Я вот хочу тебя на своей дочери женить.

Царевич-дроздовик и виду не подает, что за этим пришел.

— Вы, ваша милость, — говорит, — хозяева над нами. Как вы хотите, так и я желаю.

Тут его с княжной и повенчали.

Плачет молодая княжна, а царевич-дроздовик ей говорит:

— Ну, жена, сколько ни плачь, а домой идти надо.

Хоть жалко князю дочь, да ведь от мужа-то нельзя жену отбивать.

Поднялись они и пошли. Идут от села

к селу. Подойдет царевич под окошко, поскрипит лирой, выпросит яичко, выпросит лепешку — покормит молодую княжну. И опять идут.

Подходят они к его полям.

Княжна спрашивает:

— Чьи ж это поля?

— Это царевича-дроздовика, — говорит муж.

Вздохнула молодая княжна: «Эх, хороши!» Однако ничего не говорит, в уме держит.

Подходят они к лугам. Цветами луга разукрашены. Пасутся там стада.

Княжна спрашивает:

— Чьи же это луга?

— Царевича-дроздовика.

Подходят они к бахчам.

— Чьи же это такие бахчи роскошные?

— Царевича-дроздовика.

Подходят они к дворцам.

— Чьи же такие дворцы это? — расспрашивает княжна.

Муж отвечает:

— Это царевича-дроздовика.

Приуныла княжна. «Эх, что же я не пошла за царевича-дроздовика замуж? — думает. — Очень он богат, и все у него хорошо».

Посадил ее царевич у дороги и говорит:

— Пойду во дворец, спрошу: не возьмут ли меня бахчи сторожить?

А бахчи-то все его. Он уже это дело обдумал.

Подходит и говорит:

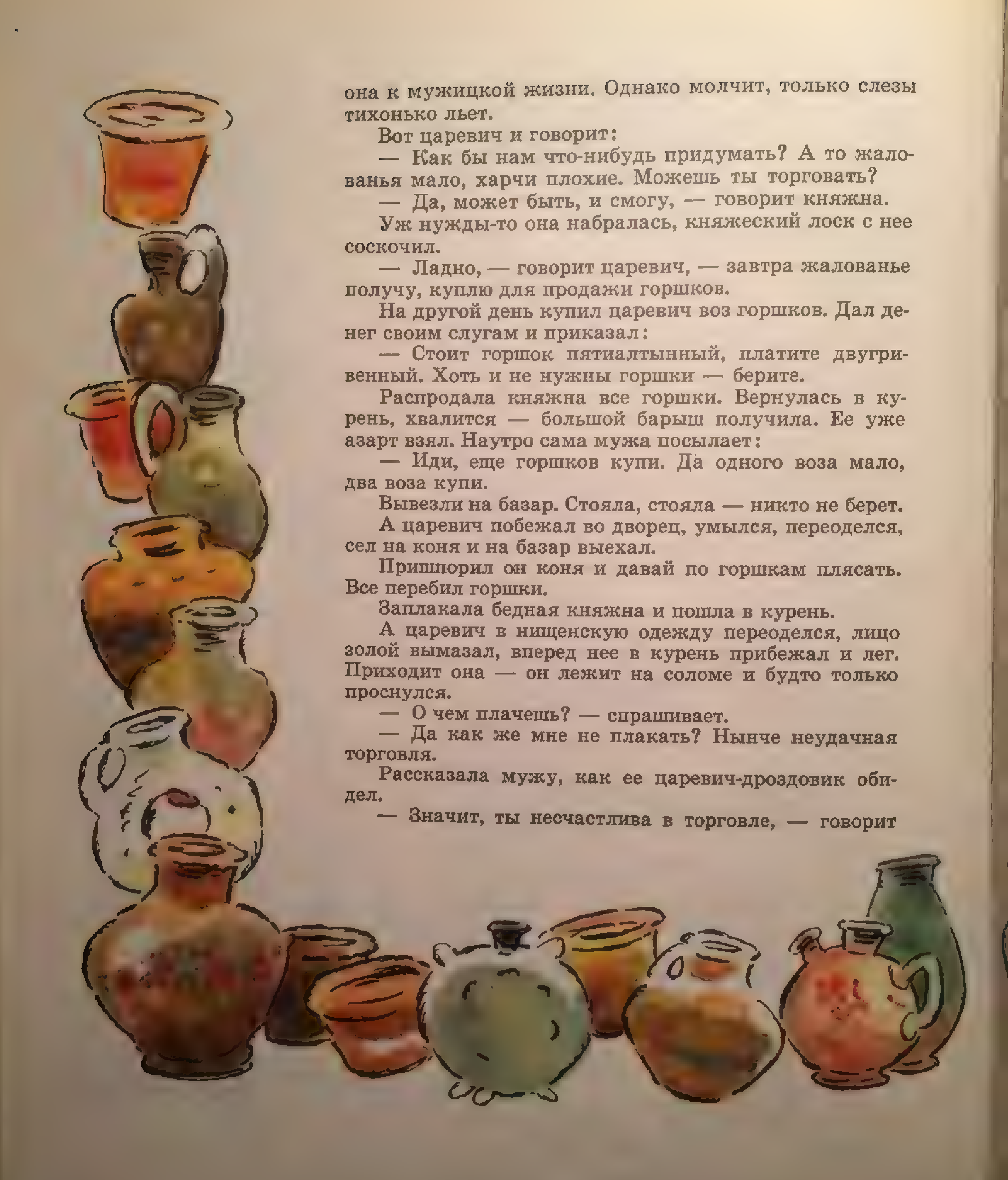
— Нанялся.

Ведет он княжну на бахчи в курень. Соломки настелил, котелок на таганок поставил — вот и все их имение.

Выдадут им пшенца, сальца. Сварит он кашки, тем ее и питает.

Тяжело молодой княжне. Непривычна

она к мужицкой жизни. Однако молчит, только слезы тихонько льет.

Вот царевич и говорит:

— Как бы нам что-нибудь придумать? А то жалованья мало, харчи плохие. Можешь ты торговать?

— Да, может быть, и смогу, — говорит княжна.

Уж нужды-то она набралась, княжеский лоск с нее соскочил.

— Ладно, — говорит царевич, — завтра жалованье получу, куплю для продажи горшков.

На другой день купил царевич воз горшков. Дал денег своим слугам и приказал:

— Стоит горшок пятиалтынный, платите двугривенный. Хоть и не нужны горшки — берите.

Распродала княжна все горшки. Вернулась в курень, хвалится — большой барыш получила. Ее уже азарт взял. Наутро сама мужа посылает:

— Иди, еще горшков купи. Да одного воза мало, два воза купи.

Вывезли на базар. Стояла, стояла — никто не берет.

А царевич побежал во дворец, умылся, переоделся, сел на коня и на базар выехал.

Пришпорил он коня и давай по горшкам плясать. Все перебил горшки.

Заплакала бедная княжна и пошла в курень.

А царевич в нищенскую одежду переоделся, лицо золой вымазал, вперед нее в курень прибежал и лег. Приходит она — он лежит на соломе и будто только проснулся.

— О чем плачешь? — спрашивает.

— Да как же мне не плакать? Нынче неудачная торговля.

Рассказала мужу, как ее царевич-дроздовик обидел.

— Значит, ты несчастлива в торговле, — говорит

он ей. — Ну погоди, не плачь. Пойду я во дворец, поговорю — не наймут ли тебя в горничные. Только сможешь ли ты?

— Смогу, — отвечает княжна. — Чай, у самой горничные были.

Сходил царевич во дворец. Вернулся, говорит:

— Велели приводить. Есть место.

Пошли они туда. Отец и мать царевича знают, что она им родня, вида не показывают. Дали ей место. Стала она старшей горничной.

Прислуживает княжна во дворце за столом, царю с царицей угождает, а сама о муже думает: как он там в курене голодный сидит? Вот остались от обеда кусочки, она собрала их и мужу принесла.

— Ах, жалко, — говорит, — остается там горячее кой-какое. Зря пропадает.

На другой день берет горшочек с собой. Привязывает его под фартуком. Что послаще, сливает туда, кусочки, какие остаются, складывает.

А царь с царицей за ней следят, примечают: как она, жалеет мужа или нет?

Видят, привыкла она к церевичу-дроздовику, полюбила его, хотя он для нее не царский сын, а нищий.

Вот говорят царь и царица сыну:

— Сынок, что ты ее так долго мучаешь? Открылся бы ты ей. Пусть она у нас будет как семейная наша.

— Ну что же, — говорит царевич, — назначайте бал. Да старого князя с княгиней, родителей ее, зовите.

Открыли царь с царицей пир на весь мир.

Позвали князя с княгиней. Те и не знают, где дочь их, нет про нее слуху.

А она горничной тут. Все остатки в свой горшочек сливает да складывает.

Кончился обед, пошли танцы.

Княжна-то страсть любила танцевать. Гости танцуют, а она все выглядывает из-за дверей.

Царевич-дроздовик это видит. Танцевал, танцевал, да вдруг подскочил, подхватил ее и завертел вокруг себя.

У ней горшочек-то из-под фартука выскочил и разбился. Что в нем было, по полу разлилось.

Сделалось ей стыдно. Вырвалась она

да бежать. Царевич ее подхватил и удержал. Подводит к царю с царицей.

— Ты, — говорит, — моя жена, я твой муж. А это — мои отец и мать.

Обняли ее царь и царица, поцеловали.

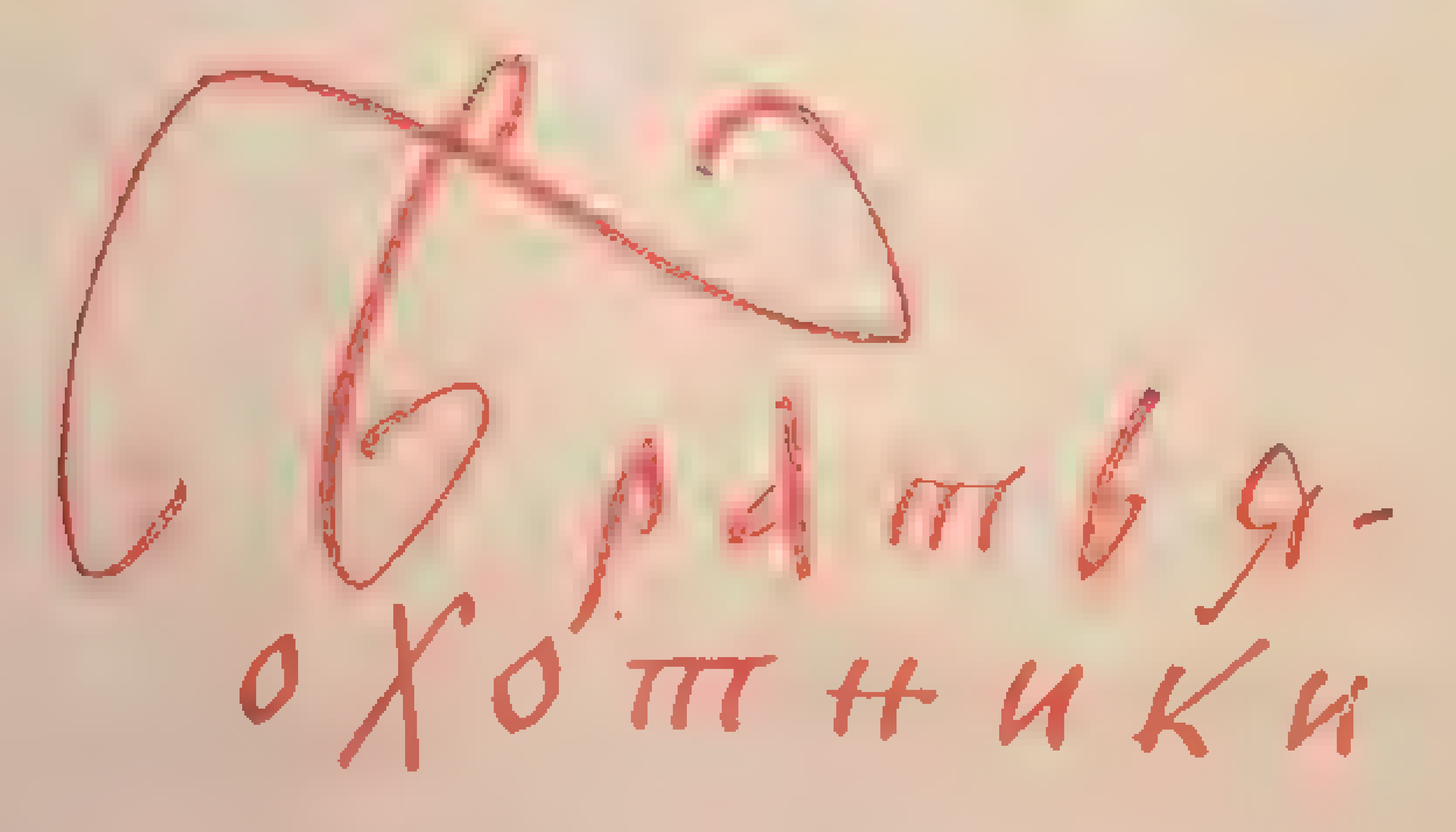
Поднялись с места старые князь и княгиня. Узнали они свою дочку, обрадовались, что жива и здорова.

Выходит, хитрый парень был царевич-дроздовик, отучил жену привередничать.

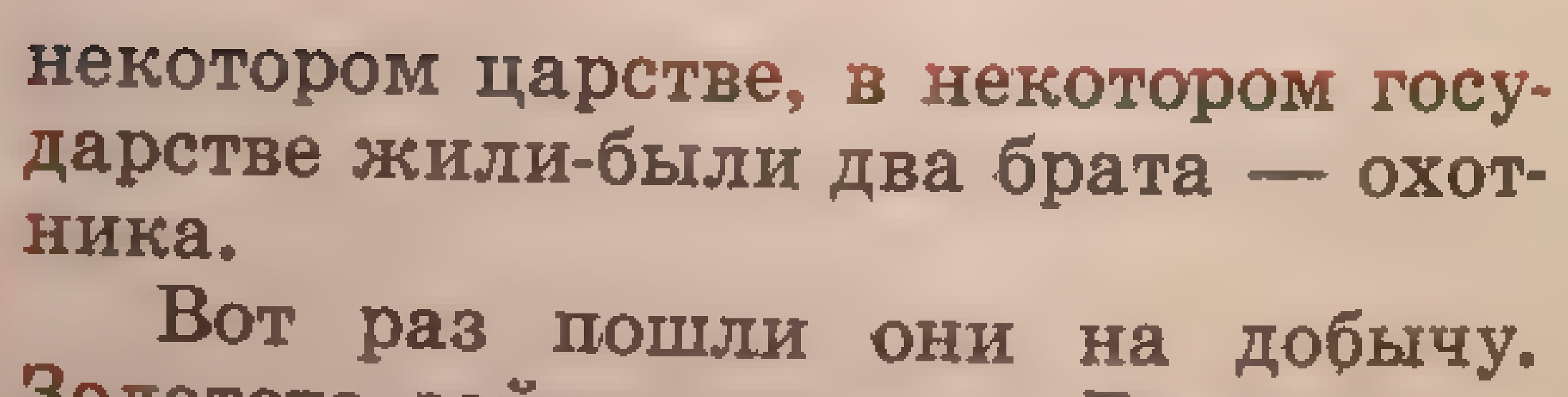
И я у них была, булки-то ела, да в рот положить не успела. Так мне скушать и не пришлось.

Братья-охотники

В некотором царстве, в некотором государстве жили-были два брата — охотника.

Вот раз пошли они на добычу. Золотого зайца увидели. Все за ним шли да шли. Заблудились, в дремучем лесу очутились.

А заяц прыгнул в кусты и пропал из глаз.

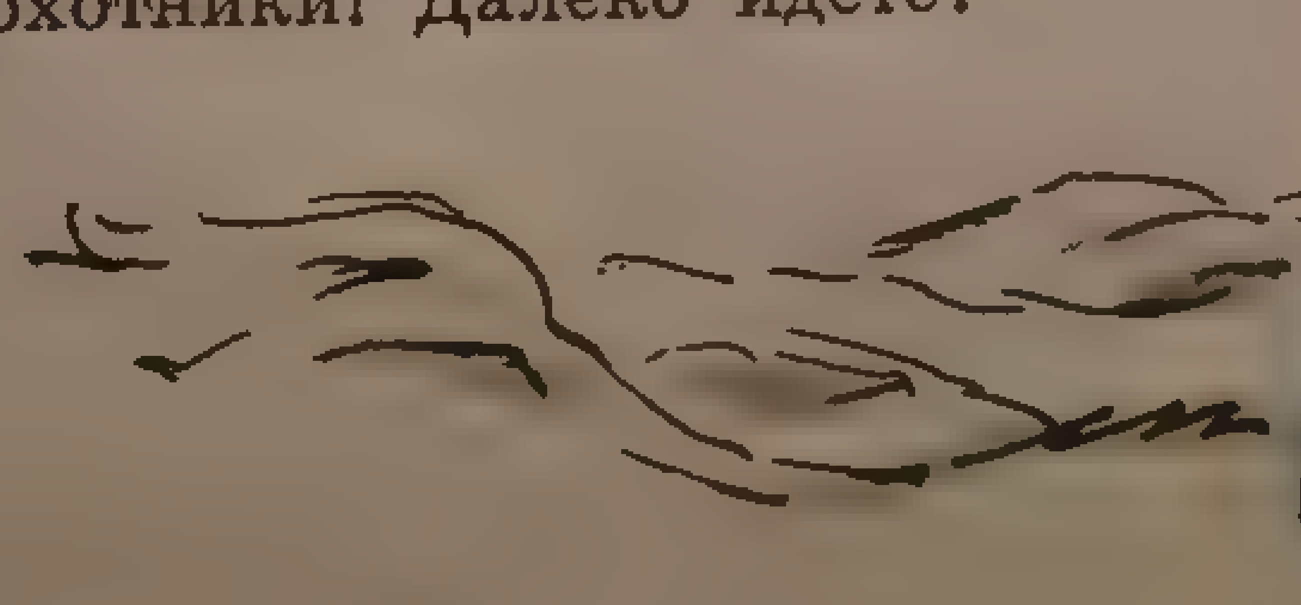
Нечего делать охотникам — придется в лесу заночевать.

Меньшой брат взял ружье и пошел поискать — может, какая дичина попадется, а старшой остался кашу варить.

Сварил он кашу, дожидается своего брата. Глядит — выходит на поляну старичок, сам не выше пня, шапка в аршин, а борода в три сажени.

— Здравствуй, охотник! — говорит.

— Здорово! — отвечает старшой брат.
— Можно твоей каши покушать?
А старшой брат жаден был.
— Нет, — говорит, — нам самим двоим мало.
Взял тогда старичок половник и ударил им охотника по лбу. Тот сразу уснул. А старичок сел, кашу съел и в лес ушел.
Пришел меньшой с охоты.
— Что, брат, сварил кашу? — спрашивает.
— Нет, я что-то приболел, — отвечает старшой.
Стыдно ему признаться, что не сумел за себя постоять.
— Ну, не беда, — говорит меньшой брат.
Наварил каши. Поужинали братья, легли спать.
Наутро старшой брат пошел на охоту, а меньшой кашу варить остался.
Вот наварил он каши, сидит, дожидается своего брата. Глядит — выходит на поляну старичок, сам не выше пня, шапка в аршин, борода в три сажени.
— Здорово, охотник!
— Здравствуй, милый, — отвечает меньшой брат.
— Можно твоей кашки покушать?
— Что ж, коли голоден, садись ешь.
Вот старичок сел, всю кашу съел.
— Спасибо, охотник, — говорит. — Хороша твоя каша. Пока прощай, а в беду попадешь, про меня вспомни.
Завернул в кусты, и словно его не было.
Пришел с охоты старшой брат. Стали они домой собираться.
Вот идут по лесу. Глядь — навстречу великан. Голова вровень с дубами, ноги — две колоды, вместо живота — сорокаведерная бочка.
— Здорово, охотники! Далеко идете?

— Да вот заблудились. Может, ты дорогу покажешь?

— Это дело пустое. Пойдем сперва ко мне в гости.

Приводит их великан к себе домой. За стол сажает, вином и всякими кушаньями угощает.

А за столом кухарка прислуживает. Нет-нет и посмотрит на

меньшого брата-охотника, будто сказать что-то хочет.

Попросил он у нее воды испить. Подносит кухарка ему воды, а сама шепчет:

— Берегись, охотник! Хочет вас великан зарезать и съесть!

Наливает им великан по стакану вина.

Старшой брат пьет, а меньшой через плечо льет.

Подают на стол арбуз. Великан арбуз на куски режет да на ноже в рот гостям сует.

«Э, — думает охотник, — этак он нас сейчас зарежет. Дай-ка и я ему подам».

Взял нож, словно хочет ломоть арбуза отрезать да хозяина угостить. Изловчился и приставил великану нож к горлу.

Испугался великан, арбузом подавился, на землю повалился.

Взял у него охотник ключ и пошел дом смотреть.

Открывает одну дверь — видит, комната вся коврами убрана. Открывает вторую комнату — та серебром украшена. К третьей двери подходит.

А кухарка ему говорит:

— Не ходи туда, охотник, — там твое горе.

Не послушался ее охотник, отпер и третью дверь. В золоте вся комната блестит. Сидит в той комнате девица писаной красоты.

— Зачем, — спрашивает, — ты сюда, добрый молодец, зашел? Великан придет, тебя съест и меня живой не оставит.

А он ей отвечает:

— Нет великана в живых. Хотел он меня съесть, да сам подавился. Пойдем, красавица, со мной.

Рассказал ей, как было.

— А коли так, — говорит девица, — то принеси мой именной платочек, он у великана в кармане лежит.

Побежал охотник, достал именной платочек, принес его девице. Поцеловала она охотника и назвалась его невестой.

Старшой брат пьяный был, все спал, ничего не видал. Разбудили они его, взяли с собой кухарку и пошли домой.

Вот дошли до речки.

А девица та сестрой великана была. Она охотника боялась, сиротой притворялась, сама ему смерти хотела.

Спрятала она платочек за пазуху и говорит:

— Беда мне! Второпях именной платочек обронила.

Побежал охотник за платочком, а девица его ждать не стала, села в лодку со старшим братом и переехала на другую сторону.

Ходил-ходил охотник по лесу, платочка не нашел.

Прибежал обратно к реке — ни брата, ни невесты. И переправиться не на чем.

Ночь наступает. Что делать?

Вспомнил он тут про лесного старичка. Только подумал о нем, видит — высокий забор, жилье какое-то.

Постучал охотник в ворота, выходит к нему старичок, сам не выше пня, шапка в аршин, а борода в три сажени.

— Здравствуй, охотник! Я тебя ждал.

Рассказал ему охотник свое горе.

— Знаю, — говорит старичок. — Виноват ты, охотник, сам. Зачем третью дверь отпер? Нельзя тебе сейчас домой возвращаться. Там тебя погибель ждет.

Определился охотник к старичку на год в караульщики — амбары сторожить, а тот его за это должен хитрой науке обучить.

Хозяин амбары показал, ключи ему дал и приказал:

— Смотри, тот амбар, что последним стоит, не отмыкай. И не заглядывай в него.

Вот год кончился. Любопытно охотнику — что там, в этом амбаре. Думает: загляну, хозяин не узнает.

Замок отомкнул, дверь отворил. А там всякие гады и звери. По всему двору разбежались.

Перепугался охотник, закричал.

Хозяин прибежал, зверей и гадов в амбар загнал.

— Не выполнил ты наш уговор, — говорит. — Придется тебе еще год у меня отработать.

Прошел еще год. Охотник службу свою исправно выполнял. Старичок доволен им был, хитрой науке его обучил.

Вывел охотника из лесу и дорогу указал.

— Ступай, — говорит, — к людям. От правды не отступай, кривду не милуй.

Поблагодарил охотник старичка и пошел домой.

Невеста его за старшого брата замуж вышла. А про него все думала, что его волки съели.

Вот говорит жена мужу:

— Купи ты себе лошадь.

Поехал тот на базар покупать лошадь. А охотник обернулся хорошим конем.

Оглядел коня старшой брат, конь ему приглянулся. Он взял его да купил. Привел домой и говорит:

— Посмотри-ка, жена, какого я купил тебе жеребца!

Она вышла, посмотрела, головой покачала:

— Это не жеребец, а погибель наша.

— Что же с ним делать?

— Надо его зарубить.

А кухарка весь их разговор слышала.

Пришла она к коню и говорит:

— Жеребчик мой милый, недолго тебе жить, хотят тебя зарубить!

А он человеческим голосом отвечает:

— Когда меня будут рубить, отскочит тебе в подол косточка. Ты ее не бросай, а в углу похорони.

Вот стал старшой брат со своей злой женой коня рубить. Кухарка стоит, плачет. Косточка ей в подол отлетела. Она ее взяла и в углу похоронила.

Выросла на том месте яблонька, да такая красавица! Яблочки на ней все красненькие.

Вот старшой брат и говорит:

— Жена, поди-ка погляди, какая у нас яблонька с красными яблочками!

Посмотрела та:

— Это не яблонька, а наша истребительница.

— Что же с ней делать?

— Надо ее срубить.

Кухарка весь разговор слышит.

Пришла она к яблоньке и плачет:

— Милая яблонька! Жалко мне тебя. Хотят тебя хозяева срубить.

А яблонька человеческим голосом отвечает:

— Когда будут меня рубить, щепочка тебе в башмак отлетит. А ты ее, эту щепочку, отнеси — в пруд брось.

Так она и сделала. Когда яблоньку рубили, щепочка в башмак ей отлетела. Она ее подняла и в пруд отнесла.

Сделался охотник сизым селезнем. По пруду плавает.

Пошел старшой брат купаться. Увидел селезня, стал ловить. Ловил-ловил, уморился, да и утонул.

А охотник обернулся в его лик, приходит в дом и говорит:

— Жена, а жена! Какого я видел селезня хорошего!

Та отвечает:

— Это не селезень, а погибель наша.

Стегнул он ее плеткой и говорит:

— Не захотела быть женой милой, так будь серой кобылой!

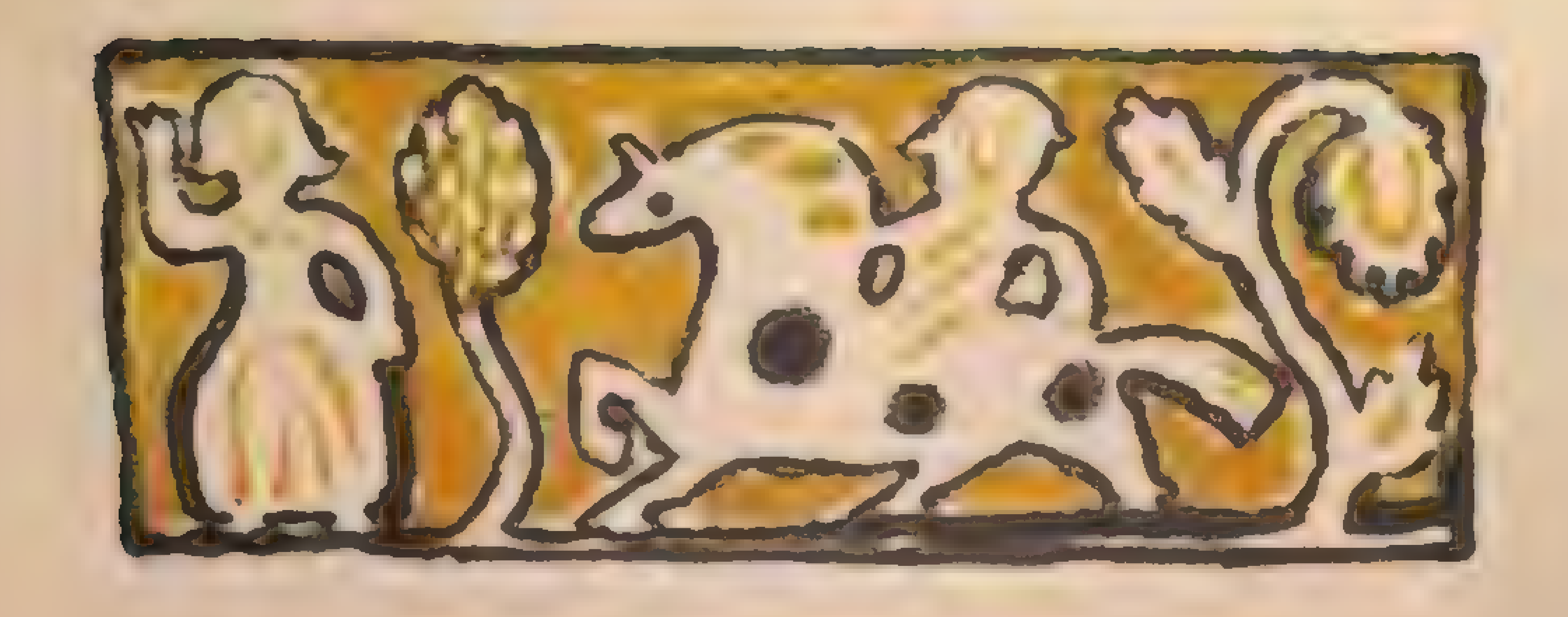
Сделалась она кобылой. Он ее обратал и в плуг запряг. До тех пор по полю гонял, пока шести десятин не вспахал.

Так она и сейчас у него в запряжке ходит.

Сам на кухарке женился. Свадьбу отпировали.

Живут-поживают, добра наживают.

Иван-дурак

Было у старика три сына: два умных, а третий Иван-дурачок. Этот все за печкой лежал. Пришло старику время помирать. Призывает он сыновей.

— Сынки мои! Как схоронят меня, вы по ночке на могиле откараульте.

Бросили сыновья жребий — кому первому караулить. Досталось большему брату. Он и говорит:

— Иван, иди покарауль за меня.

У Ивана нет отказа. Берет на плечо дубинку, идет на отцову могилку. Бух дубинкой о землю.

Спрашивает отец:

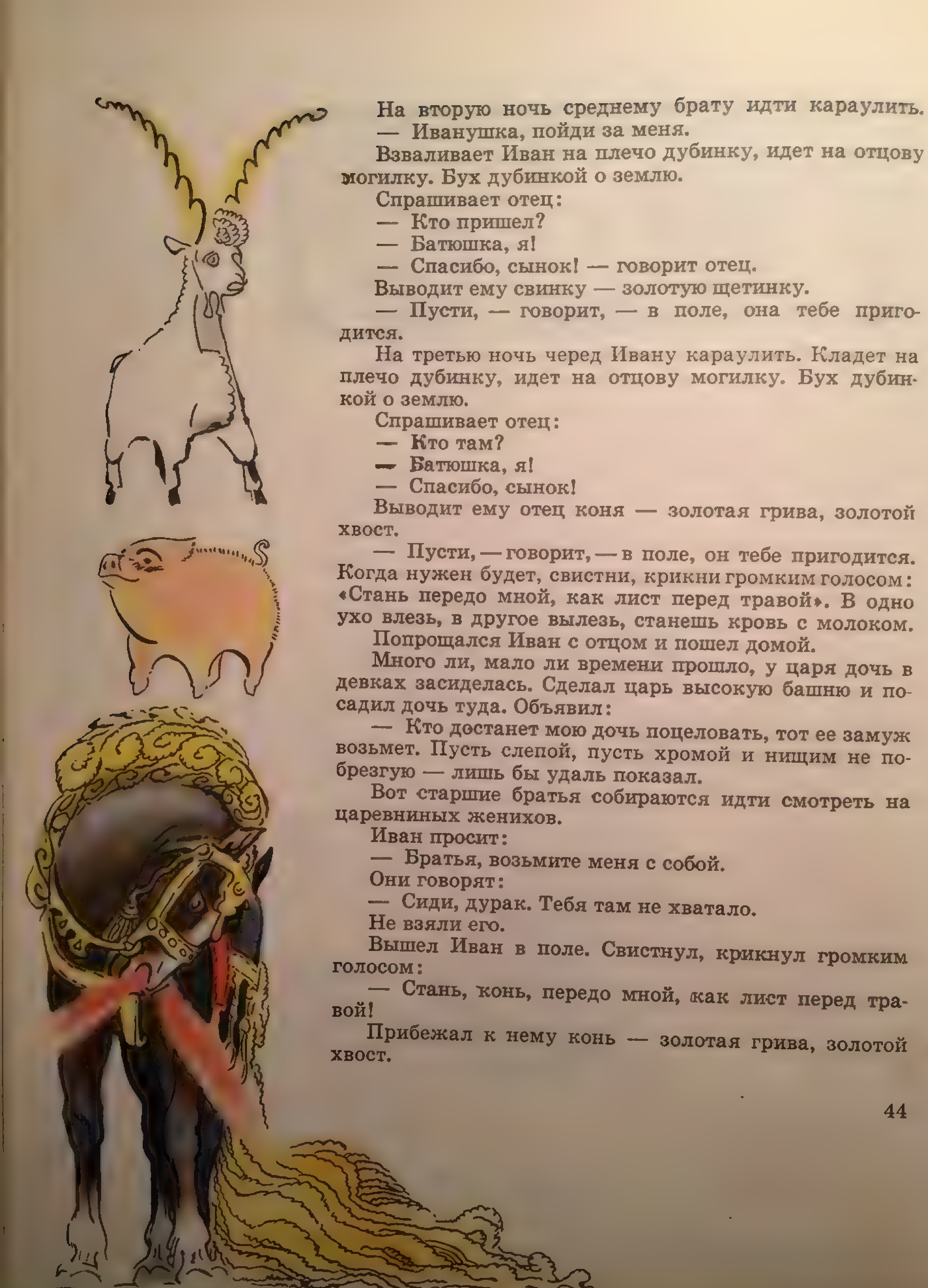
— Кто пришел?

— Батюшка, я!

— Спасибо, сынок! — говорит отец.

Выводит ему козу — золотые рога.

— Пусти, — говорит, — в поле, она тебе пригодится.

На вторую ночь среднему брату идти караулить.

— Иванушка, пойди за меня.

Взваливает Иван на плечо дубинку, идет на отцову могилку. Бух дубинкой о землю.

Спрашивает отец:

— Кто пришел?

— Батюшка, я!

— Спасибо, сынок! — говорит отец.

Выводит ему свинку — золотую щетинку.

— Пусти, — говорит, — в поле, она тебе пригодится.

На третью ночь черед Ивану караулить. Кладет на плечо дубинку, идет на отцову могилку. Бух дубинкой о землю.

Спрашивает отец:

— Кто там?

— Батюшка, я!

— Спасибо, сынок!

Выводит ему отец коня — золотая грива, золотой хвост.

— Пусти, — говорит, — в поле, он тебе пригодится. Когда нужен будет, свистни, крикни громким голосом: «Стань передо мной, как лист перед травой». В одно ухо влезь, в другое вылезь, станешь кровь с молоком.

Попрощался Иван с отцом и пошел домой.

Много ли, мало ли времени прошло, у царя дочь в девках засиделась. Сделал царь высокую башню и посадил дочь туда. Объявил:

— Кто достанет мою дочь поцеловать, тот ее замуж возьмет. Пусть слепой, пусть хромой и нищим не побрезгую — лишь бы удаль показал.

Вот старшие братья собираются идти смотреть на царевниных женихов.

Иван просит:

— Братья, возьмите меня с собой.

Они говорят:

— Сиди, дурак. Тебя там не хватало.

Не взяли его.

Вышел Иван в поле. Свистнул, крикнул громким голосом:

— Стань, конь, передо мной, как лист перед травой!

Прибежал к нему конь — золотая грива, золотой хвост.

Иван в одно ухо коню влез, в другое вылез, стал кровь с молоком.

Сел на коня и полетел к башне, где царевна сидит.

Конь бежит, земля дрожит. Из ноздрей дым валит, изо рта огонь пышет, из-под копыт искры брызжут. Под золото седло, на узде — серебро. Разогнался, под самое окно взлетел.

Чуть было не поцеловал царевну.

Повернул коня и назад ускакал.

Пустил коня опять в поле. Сам лег за печкой, дожидается братьев.

Приходят те, рассказывают:

— Был какой-то королевич из чужих земель, чуть не поцеловал царевну. Люди, что долго на свете прожили, и те говорят — сроду не видали этакого красавца.

— Так то я был, братья, — говорит Иван.

— Молчи! — отвечают те.

Другой день подходит. Братья собираются опять на царев двор.

— Братья, возьмите меня с собой, — говорит Иван.

— Сиди, дурак! Куда тебе! Тебя там задавят.

Ушли братья.

Выходит Иван в поле. Свистнул, крикнул громким голосом:

— Стань, конь, передо мной, как лист перед травой!

Прибегает к нему конь — золотая грива, золотой хвост.

Иван к нему в одно ухо влез, в другое вылез, стал кровь с молоком. Поскакал туда, где царевна в башне сидит.

Конь бежит, земля дрожит. Из ноздрей дым валит, изо рта огонь пышет, из-под копыт искры брызжут. Под золото седло, на узде — серебро. Разогнался, взлетел к самому окошку.

Чуть-чуть царевну не поцеловал.

Прискакал обратно. Пустил коня в поле, сам за печь лег, братьев дожидается.

Приходят братья, рассказывают:

— Ну, нынче королевич еще ближе подскочил. Едва не поцеловал.

— Так то я был! — говорит Иван.

— Молчи, не то тебя свяжут! — отвечают братья.

На третий день опять собираются идти.

— Братья, возьмите меня с собой, — просит Иван.

— Сиди, дурак! — отвечают братья. — Знаешь, сколько там народу подавили?

Ушли они.

Выходит Иван в поле. Свистнул, крикнул громким голосом:

— Стань, конь, передо мной, как лист перед травой!

Прибегает к нему конь — золотая грива, золотой хвост.

Иван к нему в одно ухо влез, в другое вылез, стал кровь с молоком. Опять полетел к царевне.

Конь бежит, земля дрожит, из ноздрей дым валит, изо рта огонь пышет, из-под копыт искры брызжут. Под золото седло, на узде — серебро.

Народ уже стоит, ожидает.

Разогнал Иван коня и взлетел к самому окну. Поцеловал царевну. Она ему на лоб печать положила и перстень свой на палец надела.

Народ кричит, шапками машет, знать хочет, кто таков!

А Иван коня повернул и обратно ускакал.

Пустил коня в поле. Голову себе утиркой обмотал и снова за печку лег.

Приходят братья. Только разговора у них про королевича.

Сидит Иван за печкой, голоса не подает.

А во дворце у царя смятение! То царевна рада была, что жениха себе дождалась, а теперь ищут жениха — нигде не находят.

Пошли всюду смотреть. Приходят к братьям.

— Нет ли у вас еще кого, не проживает ли еще кто? — спрашивают.

Тут больший брат говорит:

— Уж не нашего ли Ивана ищут?

Сняли с него утирку, посмотрели, а у него печать на лбу, на пальце кольцо.

Что делать царю? Надо дочку за дурачка отдавать. Повенчали их.

Зажил Иван в царских хоромах.

А у царя еще зятья были — царевичи из иных государств. Вот позвали они Ивана на охоту. Сами на быстрых конях поехали, а дурачку дали плохонькую лошаденку.

Выехал Иван в поле, пришиб клячу, сдернул с нее шкуру и зовет:

— Вороны-сороки! Свежее мясо.

Наловил ворон и сорок полон мешок. Принес во дворец и распустил по всем хоромам. Сидит — потешается.

Приехали свояки с охоты, смеются над ним:

— Дурак, — говорят, — дурачком и остался. Разве это царская охота? Вот мы чудо видели: свинку — золотую щетинку.

— Так то моя скотинка! — говорит Иван.

А те на него:

— Сиди, дурак!

Наутро собираются опять на охоту. Дали Ивану лошаденку хуже вчерашней.

Выехал Иван в поле, пришиб клячу, сдернул с нее шкуру.

— Вороны-сороки! Свежее мясо.

Наловил ворон и сорок полон мешок, распустил их по царским хоромам. То-то потеха!

Возвращаются свояки с охоты, над Иваном смеются.

— Вот мы чудо видели! — говорят. — Козу — золотые рога.

— Так то моя скотинка! — говорит Иван.

— Молчи! Не смеши людей.

На третий день собираются опять ехать.

Вышел Иван в поле, свистнул, крикнул громким голосом:

— Стань, конь, передо мной, как лист перед травой!

Подбегает к нему конь — золотая грива, хвост золотой.

Влез Иван коню в одно ухо, в другое вылез, стал кровь с молоком. Собрал свою охоту: свинку — золотую щетинку, козу — золотые рога и ведет.

А свояки его два дня за свинкой и козой гонялись, да так и не поймали.

Повстречались с Иваном, не узнали его.

— Здравствуй, — говорят, — молодец! Продай нам свою охоту.

— Что же я с вас возьму? — говорит Иван. — С руки по пальцу.

Те согласны, лишь бы было чем перед царем похвастаться.

Отдал им Иван свинку — золотую щетинку и козу — золотые рога.

Приезжают свояки домой, хвалятся своей охотой.

Сели обедать. Царь говорит:

— А ты что же, Иванушка? Видишь, что зятья мои с охоты привели?

— Батюшка, это я им продал.

— А сколько ты с них взял?

— Да недорого. С руки по пальцу.

Поглядел царь — правда.

Осерчал он на зятьев-царевичей и прогнал их.

Вот вечером царевна и говорит мужу:

— Иванушка! Одна я знаю, какой ты мудрый. А люди тебя за дурачка считают. Мне стыдно беред батюшкой. Не мучай ты меня, открой всем свою мудрость.

— Ну что ж, — говорит Иван. — Ладно.

Наутро вышел он в поле. Свистнул, крикнул громким голосом:

— Стань, конь, передо мной, как лист перед травой!

Прибежал к нему конь — золотая грива, золотой хвост.

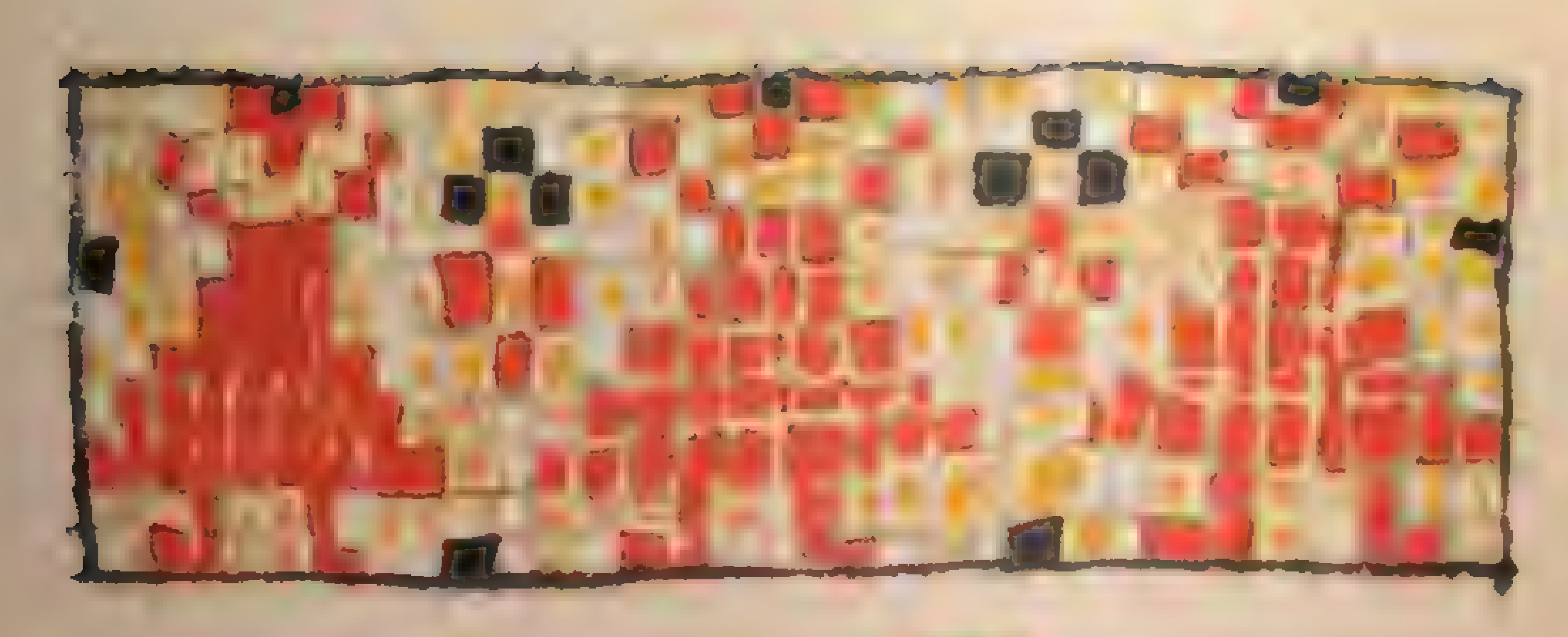
Влез Иван в одно ухо, в другое вылез, стал кровь с молоком.

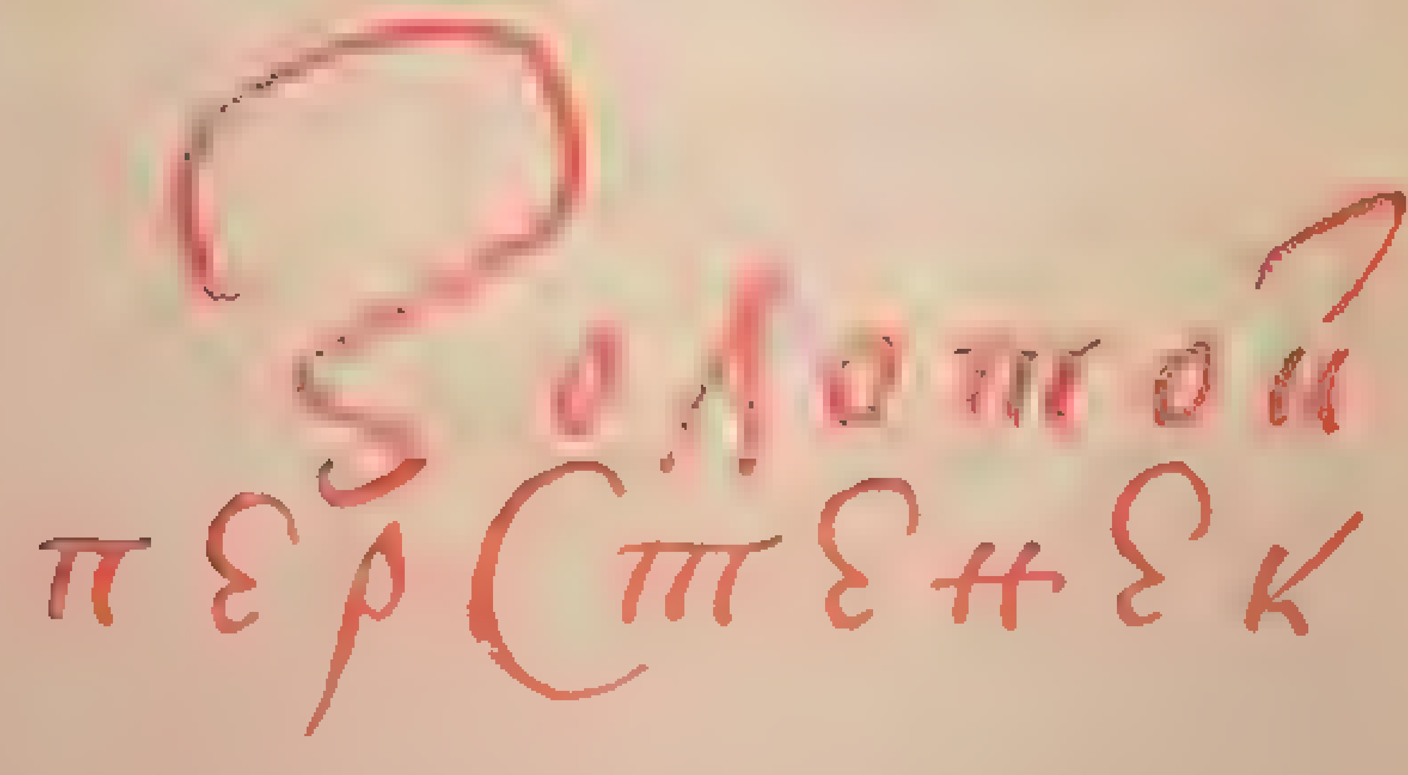
Приезжает на коне во дворец. Все диву даются — такой красавец да умный стал.

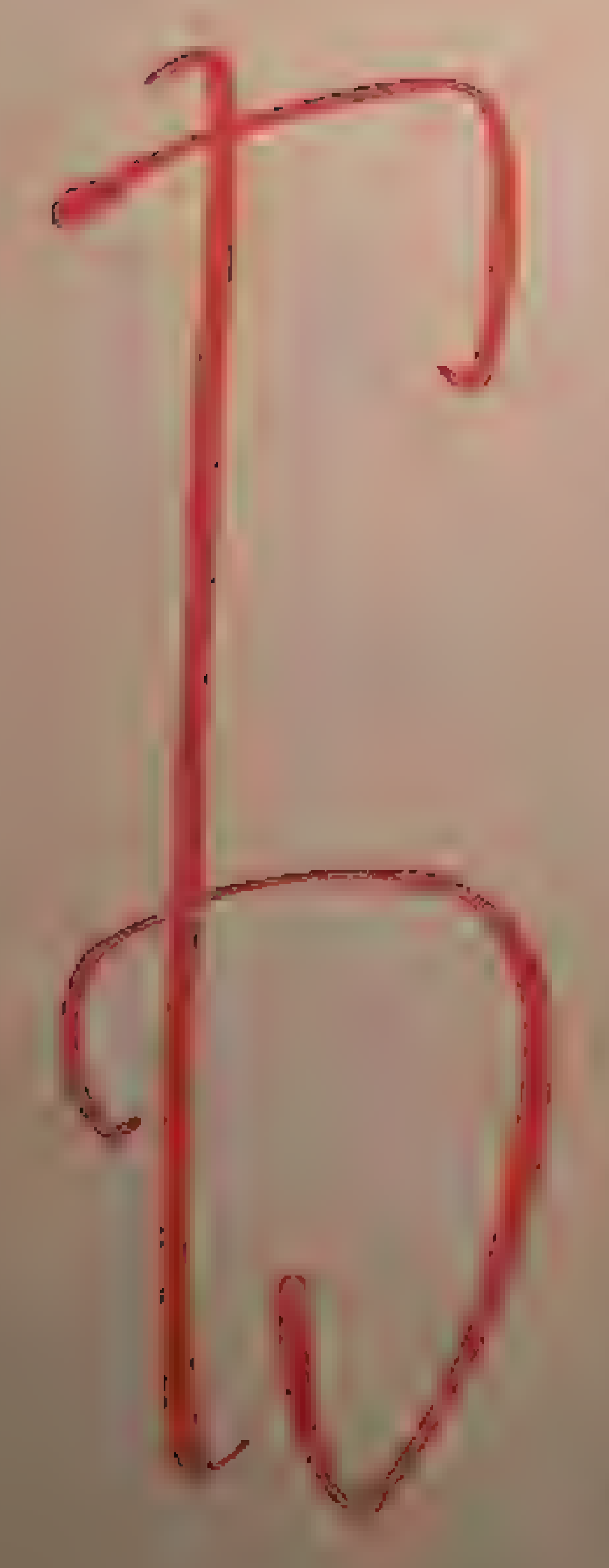
И посейчас он умный.

К бедным людям добр. Всех привечает, землей наделяет, от бар избавляет.

ыло у отца с матерью три дочери, три девицы.

Меньшая была тихая да работящая. А старшие уродились злые да завистливые, только о нарядах да женихах думают.

Углядели они у матери золотой перстень.

Старшая просит:

— Мне!

Средняя просит:

— Мне!

А матери бы хотелось отдать меньшой дочери.

Вот она обдумала, как сделать, чтобы дочки не обижались, и говорит:

— Подите вы в лес. Кто из вас троих больше ягодки мне нарвет, той и перстень отдам.

Ходили-ходили они по лесу. Старшие вдвоем ходят, а меньшая — одна.

Вот сошлись вместе:

— Давайте, сестрицы, поглядим, у кого из нас больше ягодки.

Поглядели — у меньшой больше всех.

Отошли старшие сестры за куст и говорят:

— Давай ее убьем, а ягодку поделим. Перстень будем носить в очередь — когда ты неделю поносишь, когда я.

Вот они меньшую шнурочком задушили. Вырыли на слабом месте могилку и закопали.

Приходят домой.

Мать их спрашивает:

— А где же Маша?

Машей меньшую звали.

Отвечают сестры:

— Она вперед нас ушла. Не то не приходила еще?

Пошли отец с матерью в лес, долго искали Машу, не нашли.

Ну, мать загоревала. Она не подумала, что сестры Машу убили. Думает, аль заблудилась, аль звери съели ее. И горюет и горюет.

А сестры рады — перстень им достался.

Осень минула, зима проходит, дело к весне идет — Маши все нет.

Шел лесом старый старичок, сел на бугорок отдохнуть. Глядит — былиночка-тростиночка выросла на этом бугорочке. Вынул он ножичек, срезал былиночку, сделал дудочку. Подул в нее, а она человеческим голосом заиграла:

Поиграй, поиграй, дедушка,
Поиграй, поиграй, миленький.
Нас было три сестрицы,
Одну загубили
За красную ягодку,
За золотой перстенек.

Вот пришел старик в деревню. А двор Машиных родителей крайний был. Он к ним постучался.

— Пустите меня ночевать.

Они пустили его.

Старичок говорит:

— А у меня есть диковинная дудочка, из тростиночки в лесу сделал.

— Ну-ка, дедушка, сыграй.

Это мать его просит.

Он заиграл в дудочку, она опять так же:

Поиграй, поиграй, дедушка,
Поиграй, поиграй, миленький.
Нас было три сестрицы,
Одну загубили
За красную ягодку,
За золотой перстенек.

Услышал отец, говорит:

— Дай-ка, я сыграю!

Подул в дудочку, она заиграла:

Поиграй, поиграй, батюшка,
Поиграй, поиграй, родненький.
Нас было три сестрицы,
Одну загубили
За красную ягодку,
За золотой перстенек.

Мать слушает: что это такое дудочка играет?

— Дай-ка, — говорит, — я поиграю.

А дудочка опять:

Поиграй, поиграй, матушка,
Поиграй, поиграй, родненькая.
Нас было три сестрицы,
Одну загубили
За красную ягодку,
За золотой перстенек.

Сестры догадались, откуда дудочка. Перепугались. Мать смотрит на дочь, на старшую, и говорит:

— Возьми-ка дудочку, поиграй-ка ты!

Та взяла. Подула, а дудочка заиграла:

Поиграй, поиграй, сестрица,
Поиграй, поиграй, лиходейка.
Вы меня убили,
Шнурочком задушили,
В могилку закопали,
Чеботами притоптали.

Приказывает отец средней дочери:

— Поиграй-ка теперь ты!

Дрожит та, а дудочка играет:

Поиграй, поиграй, сестрица,
Поиграй, поиграй, душегубка.
Вы меня убили,
Шнурочком задушили,
В могилку закопали,
Чеботами притоптали.

Отец спрашивает старичка.

— А где ты тростиночку срезал? Ты приметил, где срезал?

Старик говорит:

— Приметил.

— Ну, пойдем туда.

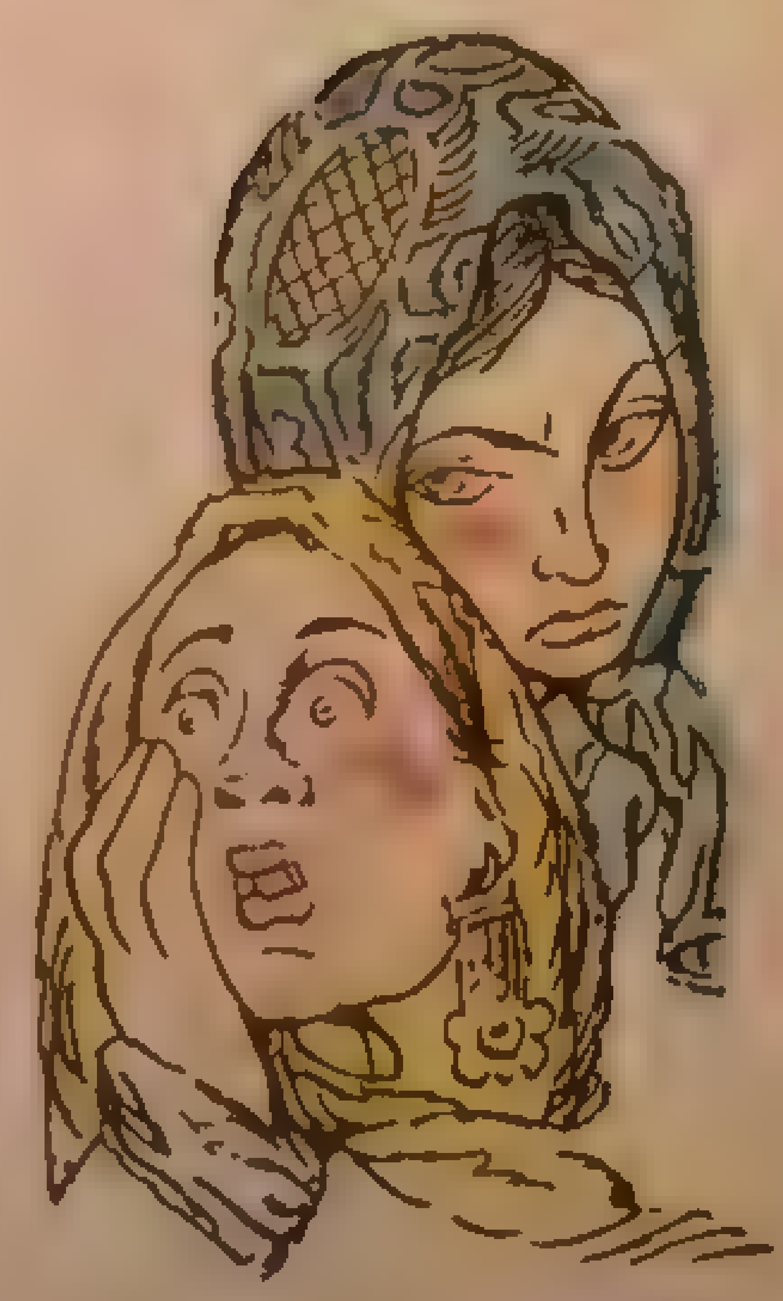
Берет лопату. Пошли в лес.

Раскопали могилку. Глядят: Маша лежит, все равно как живая. Задушена шнурочком.

Мать глянула, обмерла. А отец взял двух коней да к хвостам их привязал обеих дочерей. До тех пор лошади мчались, пока кости злодеек не разметались.

Машу взяли, в гроб положили, как следует быть, погребение совершили.

Вся сказка.

Иван-дурак и Марья-королевна

Была у царя дочка Марья-королевна, умница-разумница. Поглядит на человека — все видит: что на языке и что на сердце лежит.

Все-таки надо царю дочку замуж отдавать. Объявил он ей свою волю.

— Хорошо, батюшка, — говорит Марья-королевна. — Только у меня свой обычай: тот меня замуж возьмет, кто со мной сумеет поговорить.

Так и оповестила всех — и богатых и бедных.

Велела истопить пожарче печку. По-домашнему сидит, рукодельничает.

Женихи съезжаются разодеты: в золоте да бархате, — всякие князья и королевичи. Кто в комнату ни войдет, до того натоплено — не может с Марьей-королевной разговаривать.

Только и скажет:

— Здравствуй. Что это у тебя жарко?

А Марья-королевна в ответ:

— Это мой батюшка петухов жарил.

Тому нечего и сказать.

А на деревне жили три брата — два умных, третий Иван-дурачок. Прослышали братья, что царь замуж дочь выдает, и собираются идти свататься.

— Братья, возьмите меня с собой, — говорит Иван.

Те смеются:

— Куда тебе! Ступай, дурак, навоз возить...

Пришли во дворец:

— Здравствуй, Марья-королевна. Что это у тебя так жарко?

— А это мой батюшка петухов жарил.

Те стоят, не знают, что сказать. Разве петухов жарить — царское дело?

Посмеялась Марья-королевна и дала им от ворот поворот.

Приходят домой братья — рассказывают, Марью-королевну бранят.

Иван-дурачок говорит:

— То-то, братья, меня с вами не было.

Обратал он козла, сел на него верхом, на голову лопух надел и поехал к царю во дворец.

Едет-едет — лежит мертвая ворона. Он ее поднял, за пазуху спрятал.

Дальше едет — лежит на дороге от лаптя ошметок. Он и его прибрал.

Возле моста люди колесами желтую грязь размесили. Он этой грязи в карман положил.

Въезжает на козле прямо во дворец.

— Здравствуй, — говорит, — красавица! Вот он я! Что это у тебя за чертова жарища?

Марья-королевна отвечает:

— Батюшка петухов жарил.

— Нельзя ли и мне тут пожарить?

— А где твой кочет?

Выхватил он из-за пазухи ворону.

— Вот мой кочет, — говорит.

Марья-королевна глазом не сморгнула:

— Пожарить бы можно, да вот кастрюльки нет.

Вытаскивает Иван-дурачок лапоть.

— Вот тебе и кастрюлька!

— Это все бы ничего, да нет подливки.

Достает Иван-дурачок из кармана желтую грязь.

— Вот тебе и подливка. Мало будет, еще принесу.

Улыбнулась тут Марья-королевна и велела своего батюшку-царя звать.

Видит, вовсе не так Иван-дурачок прост, как люди считают: не она над ним, а он над ней посмеялся.

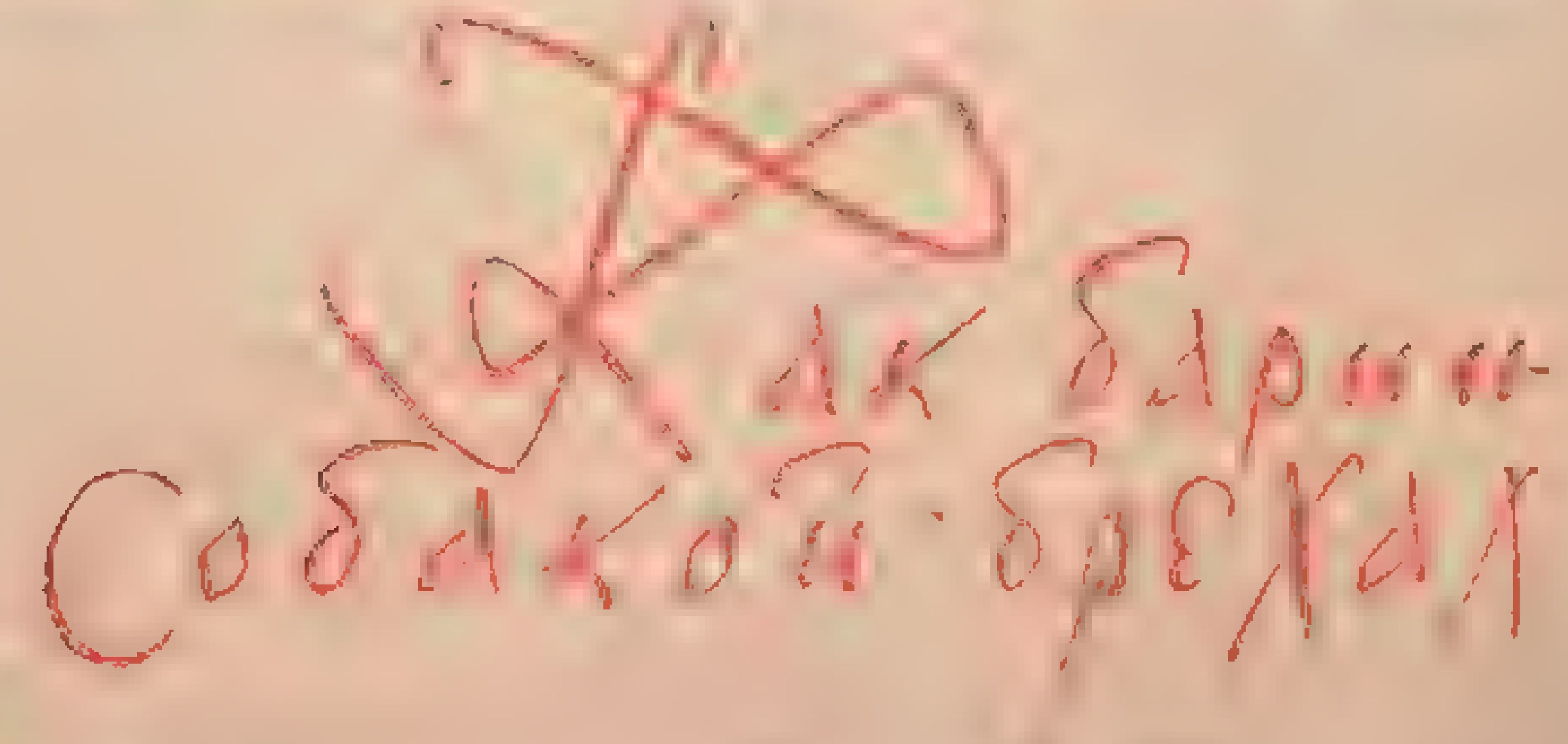
Полюбились они друг другу и, вот тебе, поженились.

Я у них на свадьбе была, мед пила, по губам текло, да в рот не попало. Спать положили на дубовой перине. Спала я на ней, спала — все бока содрала. Насилу домой добрела.

Хорошо погуляла — почаще бы так.

В старые времена были крепостные у барина.

Барин очень злой был. Что ни так, что ни этак, все не по нему — житья не дает никому. Порол мужиков, ругался, над всеми измывался. Одним словом — сердитый барин.

Раз пришел на подворье мужичок по барскому приказу. А у барина собака была, да такая злая, что под стать своему хозяину. Стала собака на мужика брехать, за ногу его хватать. Рассердился мужичок, взял палку и ударил по носу собаку. Та сразу околела.

Барин до того рассвирепел, что и сказать нельзя.

Берет мужичка и ведет в суд.

Известно, подъячий любит калач горячий. Барин в суд ногой, а в карман рукой.

Выслушали судьи барский гнев и спрашивают:

— Что тебе любо над мужиком сделать?

— Желаю я, — говорит барин, — чтобы он у меня вместо собаки был, добро мое стерег и по-собачьи брехал.

Судьи так и присудили: быть мужику барской собакой, словами впредь не говорить, а только по-собачьи брехать.

Мужику приказа ослушаться нельзя. Стал он вроде собаки брехать, добро барское охранять.

Год на барском подворье брешет, два брешет, жена с дочкой дома не евши сидят. Барину до этого дела нет.

Надумал мужичок подговорить соседей барскую кладовую взломать, барина наказать.

— Я, — говорит, — буду погромче брехать, а вы — замки снимать.

Ладно. Сказано — сделано. Приехали ночью мужики, стали замки ломать, барское добро выносить. А мужичок под окнами у барина брехать да выть. Будто изо всех сил барский приказ выполняет. Побрешет, побрешет, да еще и повоет.

Доволен барин.

— Бреши громче! — приказывает.

Ну, тот и брешет, и брешет.

Встал наутро барин, а его обворовали. Еще пуще освирепел. Стал всех бранить да колотить. Мужичку больше всех досталось.

Повел его барин опять в суд.

А судьи прослышали, что барина обокрали. Нечего от него теперь поживы ждать: когда карман сух, то и судья глух.

Спрашивают судьи:

— А что, когда воровали, брехал мужичок или нет?

— Не только брехал, — говорит барин, — даже выл. У меня строго — раз приставлен брехать, так бреши!

Судьи говорят:

— Для того и собаку держат, чтобы она брехала. Стало быть, мужичок в точности исполняет, что мы ему тогда присудили. Собака как есть настоящая — и брешет, и воет. А уж дело хозяина, когда собака брешет, выйти да посмотреть. Собака не виновата.

«Ну, — думает барин, — неверно они на этот раз присудили. Поеду в столицу, там судьи очень строги, пускай они присудят».

Вот поехал барин с мужичком в столицу. А ехать долго, да все лесом.

Ехали-ехали. Смерклось. Ночь настала.

Пригнулся мужичок, посмотрел вперед и говорит:

— Барин, а барин! Кажись, медведь навстречу идет.

Испугался барин.

— Что же нам, — говорит, — делать?

Мужичок отвечает:

— Слышал я, что медведи собачьего лая дюже боятся.

— Бреши, мужичок! — приказывает барин. — Бреши, да погромче!

— Нет, барин, я под судом, мне брехать теперь никак нельзя.

Опять пригнулся мужичок и говорит:

— Барин, а барин! Он ближе подходит, вот-вот до нас доберется.

Барин еще пуще перепугался:

— Выручай, мужичок! Научи, что делать!..

— Не миновать тебе, барин, собакой брехать.

«Ладно, — думает барин, — была не была. Побрешу, авось жив останусь».

Встал на четвереньки и начал собакой брехать.

— Да ты, барин, — говорит мужичок, — пуще бреши. Нешто так медведя проймешь?

Барин брешет, изо всех сил старается.

— Пуще, пуще, барин, бреши! Побреши, побреши, да повой!

И брешет барин, и воет, а сам думает: «Лишь бы живым остаться».

Краснеть начал от натуги, глаза навыкат пошли. Пена изо рта. Из последних сил выбивается, а все брешет.

Вот подъезжают они, а это поперек дороги сосна. Мужичок и говорит:

— Барин, ошиблись мы с тобой. Это сосна, а не медведь. Так что ты зря брехал-то.

Тут барин в себя пришел. Страсть, как ему стыдно стало.

Не поехал на суд, назад повернул.

— Я тебя прощу, — говорит мужичку, — только ты никому не сказывай, как я собакой брехал. А то засмеют...

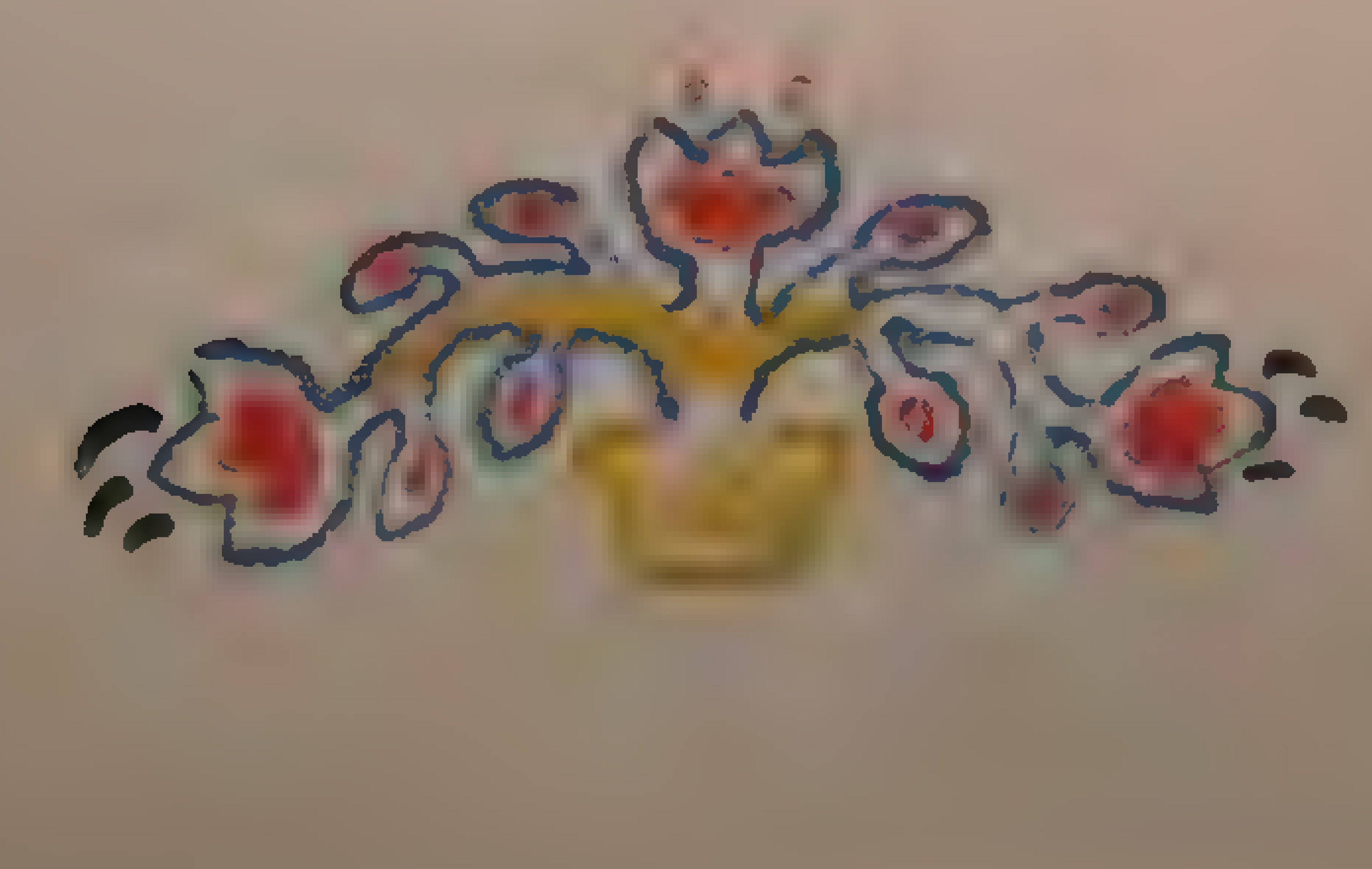
— Нет, — говорит мужичок, — этого, барин, мало.

— Я тебя хлебом награжу, поместьем наделю!

— И этого, барин, мало!

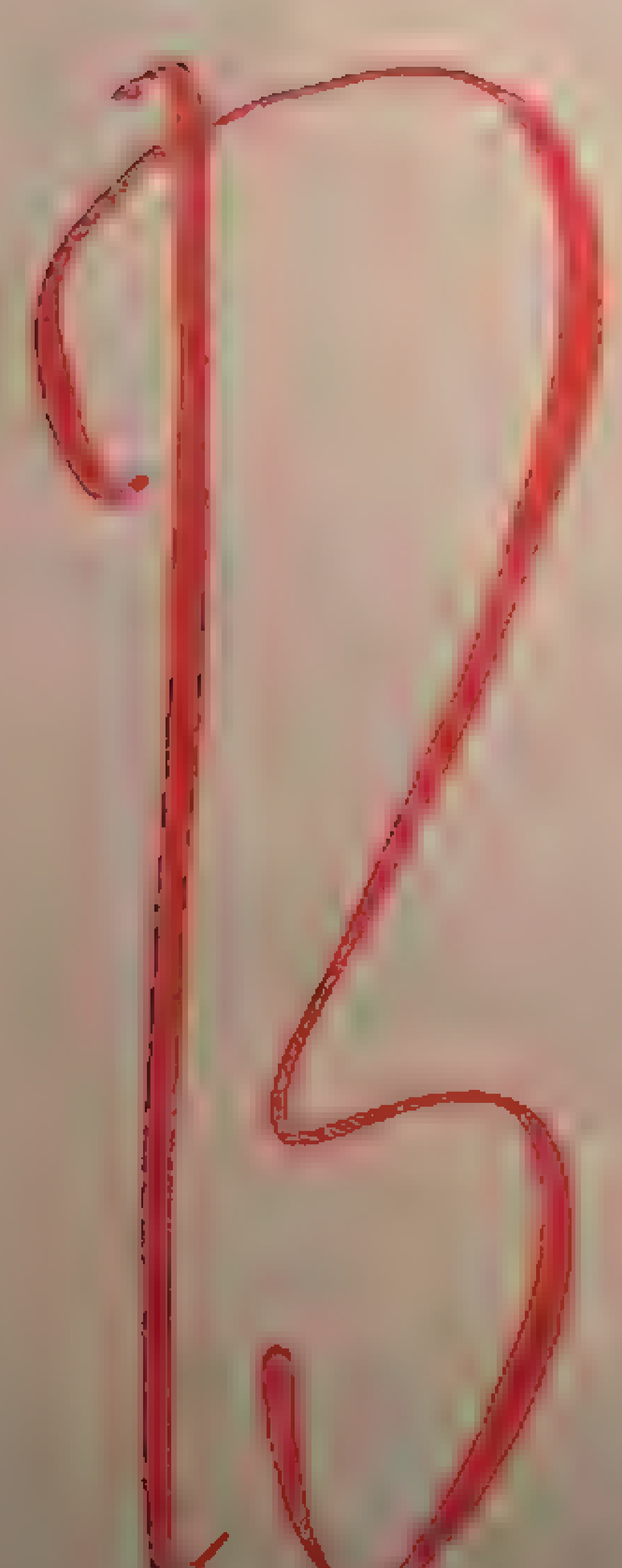
Не сладились они. Барин серчает, а мужичок на воле гуляет. Всем рассказывает, как барин собакой брехал.

Барин из своего поместья убежал. Мужички вольными стали. Живут-поживают, добра наживают.

Хитрая старуха

В давние годы жил-был старик со старухой. Старуха была ленива, ничего не умеет, ничего не знает, муж ее всегда ругает:

— Прочие старухи чем-то занимаются. По людям ходят — детей нянчат, умывают, все-таки кормятся. А ты ни на что не годна!

Вот старуха говорит:

— Старик! Что я надумала!

— А что, старуха?

— Да не знаю, тебе понравится или нет.

— Ну, понравится не понравится — все равно буду слушать.

— Придет праздник-воскресенье, давай пирогов напечем, барана зарежем, водки возьмем да ребят с улицы кликнем — напоим, накормим. От них нам польза будет...

Так и сделали. Напекли пирогов,

барана зарезали, водки взяли и ребят с гармонью назвали.

Пьют, едят ребята, дивуются, из-за чего это им сегодня пируется. Попили, поели, песни заиграли.

Старуха говорит:

— Ребята, садитесь в кружок, что я вам расскажу. Вы по улице ходите, песни играйте, себя и людей забавляйте, а сами меж тем примечайте: попадется что — берите и прячьте. А ко мне придете и скажете, где искать. Я буду людям гадать да с них деньги брать, а мы с вами опять будем гулять.

Ребятам это на руку: попили, поели хорошо, хочется еще.

Вот они идут по селу, песни играют, а что плохо лежит, в мешки прибирают.

У одной бабы сундук и полушубок унесли да в сенях два хомута прихватили.

Приходят к старухе:

— Ну, бабушка Салмонея, дело сделали.

— А где положили?

— Да за ригой в солому закопали.

— Ладно, идите, про меня людям шепните.

Наутро бабы раскричались, мужики разворчались:

— Что такое — покража случилась!

Марья-то, у какой добро стащили, громче всех кричит:

— Ах, меня обворовали! Куда все подевали?..

Тут как раз ребята идут.

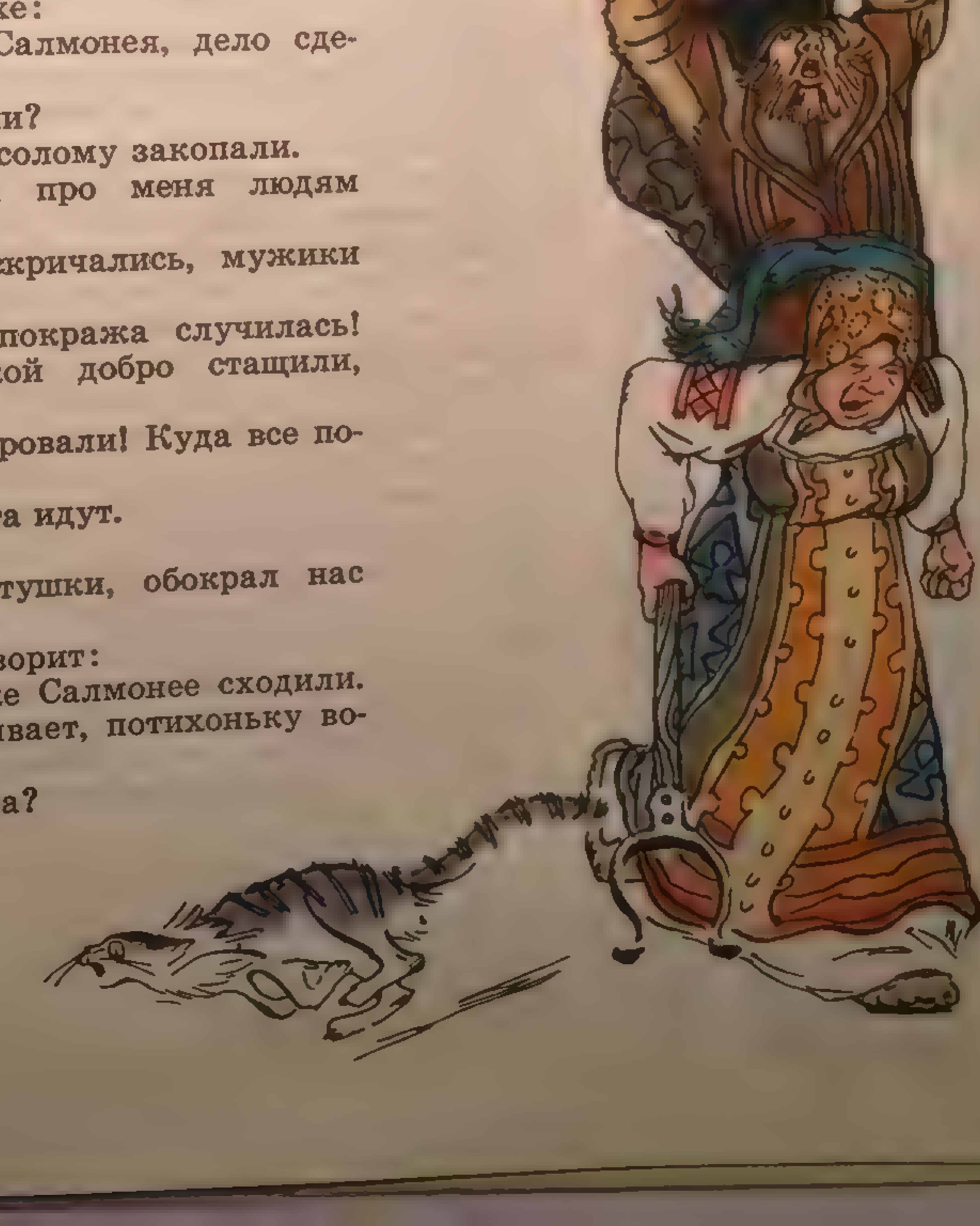
— Что за шум?

— Да вот, ребятушки, обокрал нас кто-то!

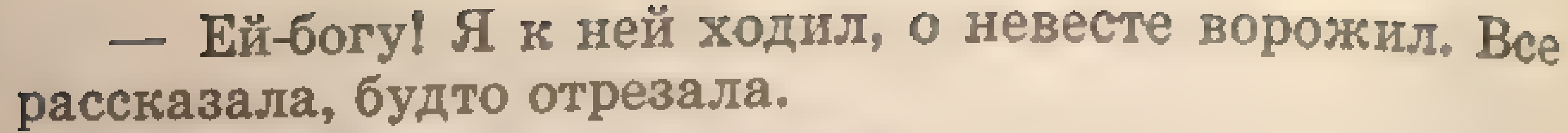
Один из них и говорит:

— Вы бы к бабке Салмонее сходили. Она украдкой угадывает, потихоньку ворожит.

— Неужто правда?

— Ей-богу! Я к ней ходил, о невесте ворожил. Все рассказала, будто отрезала.

Мужик Марье приказывает:

— Сходи к Салмонее. Слышишь, говорят — хорошо ворожит.

Прибежала та.

— Бабушка Салмонея, погадай-ка мне. Сундук и полушубок у нас унесли, да еще хомуты с бляхами сцапали.

— И-и, дитянок, неохота мне ворожить.

— Я, бабушка, заплачу за охоту.

Назначила старуха за ворожбу три рубля, да пуд муки, да четверть водки, а на остальное гуся.

Марья говорит:

— Кабы только найти, не пожалею ничего.

Налила старуха в блюдо воды, сама похаживает, на воду поглядывает.

— Вижу, — говорит, — твое добро. Лежит оно за ригой в соломе. Иди скорее, а то вор хлопочет, переворовать хочет.

Побежала Марья за мужиком.

— Бабушка Салмонея говорит, что все в целости, за ригой лежит.

Пошли туда — правда, угадала.

А ребята в другое воскресенье опять заходят к бабке Салмонее.

Она им обед собрала. Выпили. Песни играют, пляшут, а дела не забывают.

Один растрепа лошадь у ворот оставил.

Они ее взяли, в лес увели, к дереву привязали. Да еще из стада барана угнали, тоже неподалеку от лошади привязали.

Приходят к старухе пастухи:

— Так, мол, и так. Выручай.

Она им отвечает:

— Поворожу вам, только поодиночке.

Первому говорит:

— Это твой товарищ барана свел. Хотел тайком зарезать, а мясо продать. Ступай в лес — баран там привязан.

А второму на первого сказала.

Побежали они барана искать.

А тот, растрепа, у кого лошадь пропала, помыкался туда-сюда и тоже приходит к старухе.

— Бабушка Салмонея! Ты не знаешь про мое горе?
— Знаю, знаю. Слыхала я.
— Помоги.
— Могу помочь.
— Что возьмешь?
— Да барана.
— Эх, кабы лошадь нашлась, не пожалел бы барана и на водку дал бы.

Наливает она в блюдо воды, вокруг похаживает, на блюдо поглядывает.

— Вижу, — говорит. — Привязана твоя лошадь в лесу. За нее мужики берутся, между собой дерутся. Ты их сейчас захватишь.

Он бежит туда. А там пастухи из-за барана дерутся. Он подумал, что из-за лошади. Отвязал лошадь, поехал.

Оказалась старуха такой ворожеей, что прославилась на всю губернию.

Вот у царя случилась пропажа: из-под подушки шкатулку с деньгами унесли. А сделали это повар, лакей и кучер. Взяли и в конюшне схоронили.

Министры царю говорят:

— Есть такая старуха, что пропажи угадывает.

Царь сейчас же запрягает лошадь, посылает кучера за бабкой Салмонеей.

Воры испугались: что делать?

Повар говорит:

— Надо ее испытать. Поставим ей лукошко яиц в тарантас под сиделицу. Если она угадает, то нам плохо будет.

Приезжает кучер к старухиному двору.

— Вот государь прислал за тобой: беда приключилась.

Загоревала старуха. Как царю солгать? За это голова долой. А отказаться нельзя.

Убирает себя, как к смерти.

Думает: «Теперь, должно, отворожилась я».

Подобрала свою юбчонку, лезет в тарантас и приговаривает:

— Назвалась Ерошкой, полезай в лукошко.

А кучер кричит:

— Стой, стой, бабушка! Погоди садиться! Не подави!.. Это тебе царь прислал подарок.

Вытаскивает из тарантаса лукошко яиц.

Бабка их своему старику отдала:

— На, скушай, а я там сыта буду.

Привез ее кучер во дворец.

Выскочили лакей и повар.

— Ну как? — спрашивают у кучера.

— Беда нам будет! Как только стала в тарантас садиться, так сразу и угадала.

А повар уже кушанье сготовил: изжарил утку и ворону.

Говорит лакею:

— Понеси-ка сперва ворону. Что она: угадает или нет?

Лакей на стол жареную ворону подал, сам под дверьми стоит, слушает.

Зашла старуха в царский дом, по сторонам глядит: как тут стены хорошо убраны.

— Эх, ворона, ворона! Зачем залетела в чужие хоромы?

Это она про себя так говорит.

Бежит к ней лакей:

— Погоди, погоди, бабушка! Ошибся я, не то кушанье подал.

Принес ей утку.

Выскочил сам на кухню. Повар и кучер спрашивают:

— Что такое?

— Угадала. Вот уже два раза угадала. И где такого черта достали?

Покушала старуха, идет к царю.

Тот спрашивает:

— Как, бабка, с ручательством берешься?

Бабке некуда бежать, надо ответ держать.

— И-и, государь-батюшка! Что ворожейная книга скажет. Я ведь по книге гадаю.

— А когда же это будет?

— Да в ночь буду вычитывать.

Отвели старухе комнату. Сидит бабка Салмонея, не спит, себя потихонечку бранит.

Слуги на спасенье уже не надеются, смерти ожидают. Ведь не у мужика живут, а у царя.

Лакей ни жив ни мертв за дверью стоит, слушает.

Что старуха бурчит, никак не разберет.

Вот первый кочет закричал. Она вздохнула и говорит.

— Ох, господи, один уже есть.

Лакей задрожал, от двери побежал.

Говорит своим:

— Угадала, что я стоял.

Тут повар под дверь слушать побежал.

Другой кочет закричал.

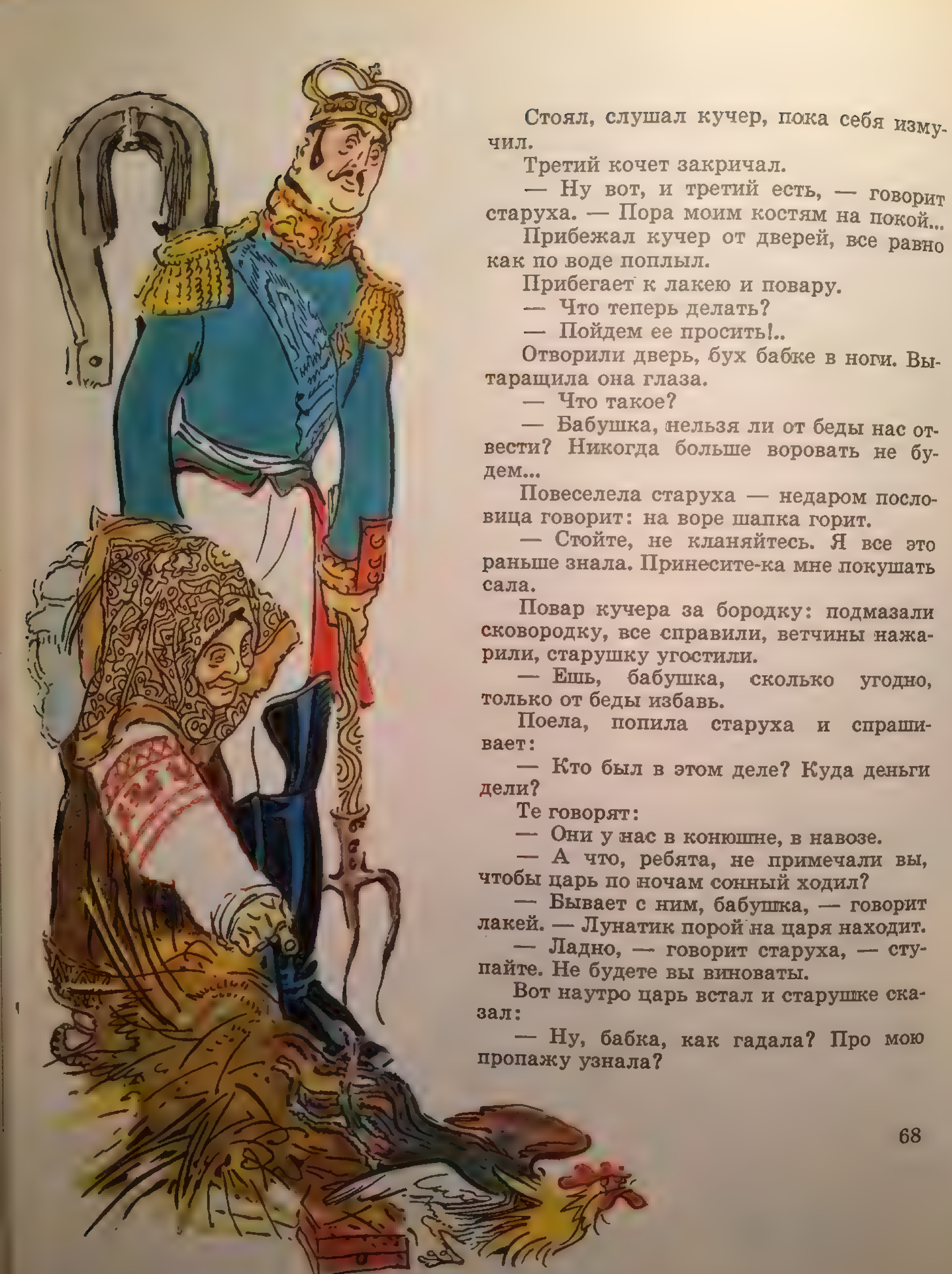
— Дождалась и другого, — говорит старуха.

Испугался повар и бежать.

— Ну, как там? — его спрашивают.

— Узнала.

Идет кучер под дверь.

Стоял, слушал кучер, пока себя измучил.

Третий кочет закричал.

— Ну вот, и третий есть, — говорит старуха. — Пора моим костям на покой...

Прибежал кучер от дверей, все равно как по воде поплыл.

Прибегает к лакею и повару.

— Что теперь делать?

— Пойдем ее просить!..

Отворили дверь, бух бабке в ноги. Вытаращила она глаза.

— Что такое?

— Бабушка, нельзя ли от беды нас отвести? Никогда больше воровать не будем...

Повеселела старуха — недаром пословица говорит: на воре шапка горит.

— Стойте, не кланяйтесь. Я все это раньше знала. Принесите-ка мне покушать сала.

Повар кучера за бородку: подмазали сковородку, все справили, ветчины нажарили, старушку угостили.

— Ешь, бабушка, сколько угодно, только от беды избавь.

Поела, попила старуха и спрашивает:

— Кто был в этом деле? Куда деньги дели?

Те говорят:

— Они у нас в конюшне, в навозе.

— А что, ребята, не примечали вы, чтобы царь по ночам сонный ходил?

— Бывает с ним, бабушка, — говорит лакей. — Лунатик порой на царя находит.

— Ладно, — говорит старуха, — ступайте. Не будете вы виноваты.

Вот наутро царь встал и старушке сказал:

— Ну, бабка, как гадала? Про мою пропажу узнала?

Царю-то не терпится, не ждется, когда в дом пропажа вернется.

— И-и, государь-батюшка! Я все давно знала.

— Кто же у меня деньги унес?

— Да ты их сам взял да позабыл. Сонный вскочил и с собой шкатулку захватил. Когда лошадей-то глядеть ходил, и шкатулку обронил. Она теперь лежит в навозе.

— Да, бабка, со мной такое случается, какой-то лунатик находит.

Пошли они на конюшню. Схватил царь вилы, раскопал навоз — шкатулка там.

Царица ругается, царя бить собирается:

— Ах ты, такой-сякой! Людей оклеветал, себя на все царство опозорил!..

Старуху скорей со двора спровадили, деньгами наградили и воз хлеба ей насыпали.

Старик ее уже не ждет живую.

Встречает, обрадовался.

— Как ты, старуха, там жила?

— Всех оправдала и сама осталась жива. Только страху я натерпелась. Плохое это дело. Как бы нам его бросить?

Старик говорит:

— Я уже тут придумал. Давай, старуха, свою гнилушку сожжем и на пожар всю вину положим. А себе новую избу построим.

Подожгли они свой домишко, а людям сказали — сгорела, мол, ворожейкина книжка. Не по чем гадать...

Вот так сумела старуха всем отказать.

С тех пор взялись они за дело, все у них в руках закипело.

Старуха та мне соседкой была, в гости меня звала. Я у нее была, мед пила, по губам текло, а в рот не попало.

Глупая барыня

Жила-была барыня — глупая-преглупая. Что ни забьет себе в голову — умри, а исполни.

Вот задумала барыня вывести сорок цыплят, и чтобы все они были черненькие.

Горничная говорит:

— Да разве это, барыня, возможно?

— Хоть и невозможно, а хочется, — отвечает барыня.

Зовет она своего кучера и приказывает:

— Садись в лукошко, выводи сорок цыплят, да чтоб были они все черненькие.

— Помилуй, барыня! — говорит кучер. — Где же это видано — человека наседкой сажать?

Барыня и слушать не хочет.

— Тебе, — говорит, — привычно на козлах сидеть, посидишь и в лукошке.

«Вот проклятые господа, — думает кучер. — Всю шею нам объели, хоть бы все околели».

— Что же, — говорит, — воля ваша. Только дай мне, барыня, то, что я попрошу. А нужно мне — чаю, сахару, харчей побольше, тулуп, валенки и шапку.

Барыня на все согласна.

Отвела кучера в баню. Дала ему все, что просил.

Посадил он наседкой курицу. Стали к нему друзья ходить, он их чаем поить. Сидит с ними чаек попивает, барыню дурой обзывает.

Ни мало, ни много времени прошло, вывела наседка цыплят, из них трое черненьких.

Берет кучер черненьких пискунов в лукошко, идет к барскому окошку.

— Вот, барыня, трех уже высидел. Получай да харчей прибавляй. Сама видишь, тяжело мне их высиживать.

Барыня обрадовалась, харчей прибавила, кучера досиживать заставила.

Каждый день слуг шлет узнать, сколько еще черненьких наклюнулось.

Видит кучер — дело плохое. Говорит своим друзьям:

— Вы, ребята, зажигайте баню да меня держите. Буду я рваться, в огонь кидаться, а вы не пускайте.

Ладно, так и сделали. Баню подожгли. И барыне доложили:

— Загорелась, мол, баня по неизвестной причине.

Вышла барыня и видит: горит баня, пылает, а кучер убивается, в огонь кидается. Слуги его держат, не пускают, а он одно:

— Клу-клу!.. Клу-клу!.. Клу-клу!..

Слуги говорят:

— Ой, барыня, смотри, как он сокрушается, как его материнское сердце разрывается.

А барыня кричит:

— Держите его, покрепче держите! Цыплят теперь не спасешь, так его бы удержать, очень хороша наседка!

Вот не успели пожар потушить, приказывает барыня кучеру опять цыплят выводить.

А он, не будь глуп, взял валенки да тулуп, только его и видели.

Как солдат из боронного зуба кулеш варил

Жила-была старуха — богатая, жадная да глупая.

Вот шел солдат со службы. Видит: сажает старуха поросенка на насест. Он думает: «Сколько я прошел, а такой глупости не видал».

Солдат голодный был. Заходит во двор и говорит:

— Бабушка, можно водицы испить?

— Пей, батюшка, вода в колодце не купленная.

— А нет ли у тебя, бабушка, щец?

— Щи-то, батюшка, есть, — говорит старуха, — да не про твою честь. Знаешь, нынче как все дорого?

— Э, бабушка, дорога голова на плечах, а это наживное. А нет ли у тебя бороны?

— Да есть борона.

— Так принеси-кась мне боронный зуб сюда.

— А что же ты будешь с ним делать?

— Кулеш, бабушка, варить буду. Ты небось еще не знаешь, какой вкусный из него кулеш бывает.

Отроду старуха такого не слыхала. Подала ему боронный зуб. Сама глядит, что он с ним делать будет.

Солдат боронный зуб взял, мыл его, мыл, скоблил, скоблил, в котелок положил и на огонь поставил.

Стала вода закипать. Зачерпнул ее солдат ложкой, попробовал немножко.

— Эх, — говорит, — кабы еще посолить малость!

Старухе любопытно, что за кулеш из боронного зуба будет. Дала солдату соли.

Посолил солдат воду, попробовал и говорит:

— Кабы в него добавить пшенца, еще вкуснее был бы.

Принесла старуха ему пшенца.

Опять пробует солдат кулеш.

— Хорош, — говорит. — А кабы в него ветчинки положить, тогда хоть самому генералу подавай.

Жалко старухе ветчину солдату давать, однако уж очень хочется генеральского кулеша из боронного зуба отведать. Принесла ветчинки.

Попробовал солдат напоследок кулеш и говорит:

— Ну, можно бы и кушать, бабушка. А если хочешь знать, какой кулеш сам царь ест, то надо ему ложечку коровьего маслица.

Делать нечего, принесла старуха маслица.

Посадил солдат старуху с собой кулеш кушать.

Ветчинку-то взял, остудил да в котомку положил — в дороге пригодится.

А кулеш ели, ели — не доели.

Ушел солдат.

Приезжает старик с поля.

Старуха говорит:

— У меня солдатик был, с боронным зубом кулеш варил.

Попробовал старик.

— А ведь кулеш-то вкусный!

Он, под стать старухе, жаднющий был. Обрадовался, значит, что можно кулеш из боронного зуба варить.

Вот они в воду боронный зуб опустили. Варили, варили, да толку мало.

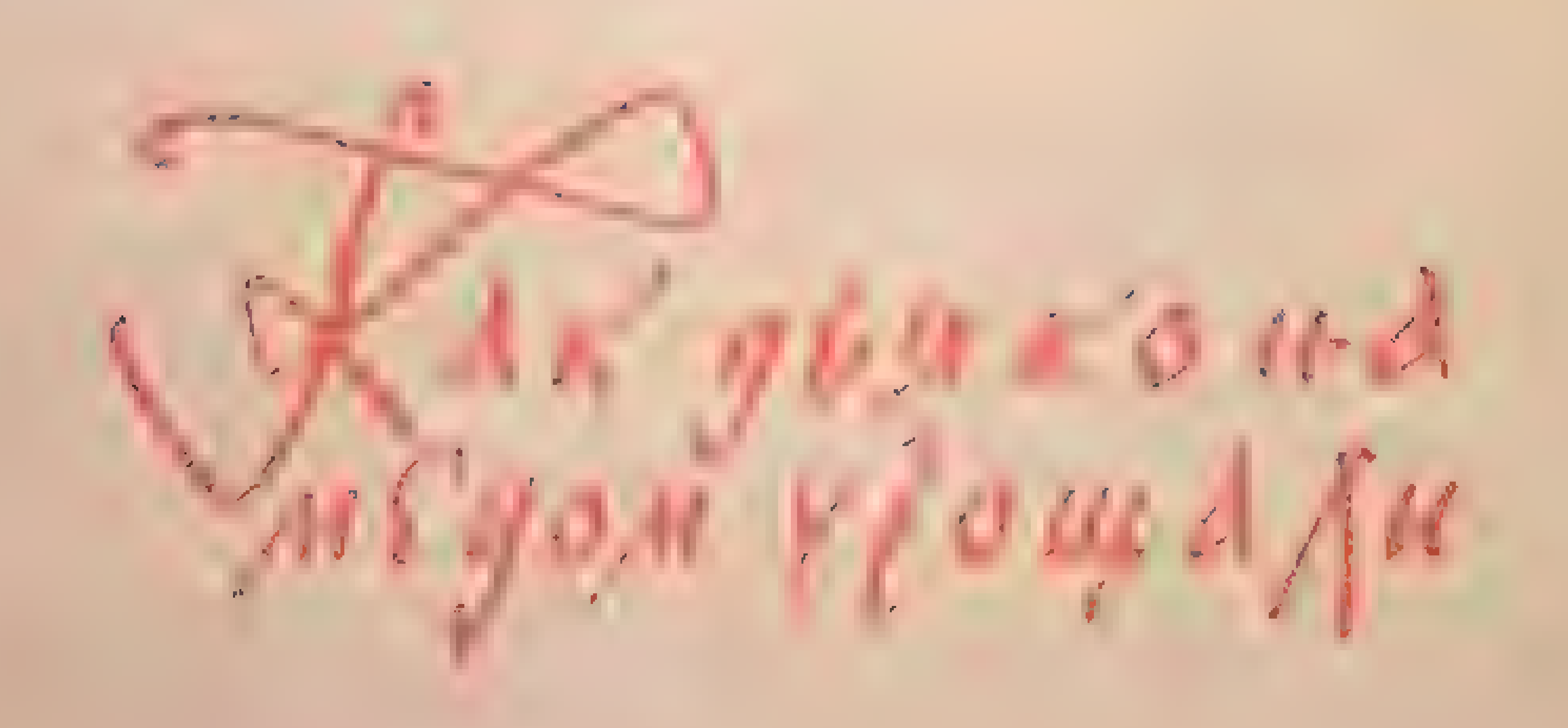
— Эх, старуха! — говорит старик. — Никуда наше дело не годится. Нажил я плешь, а не научился варить по-солдатски кулеш.

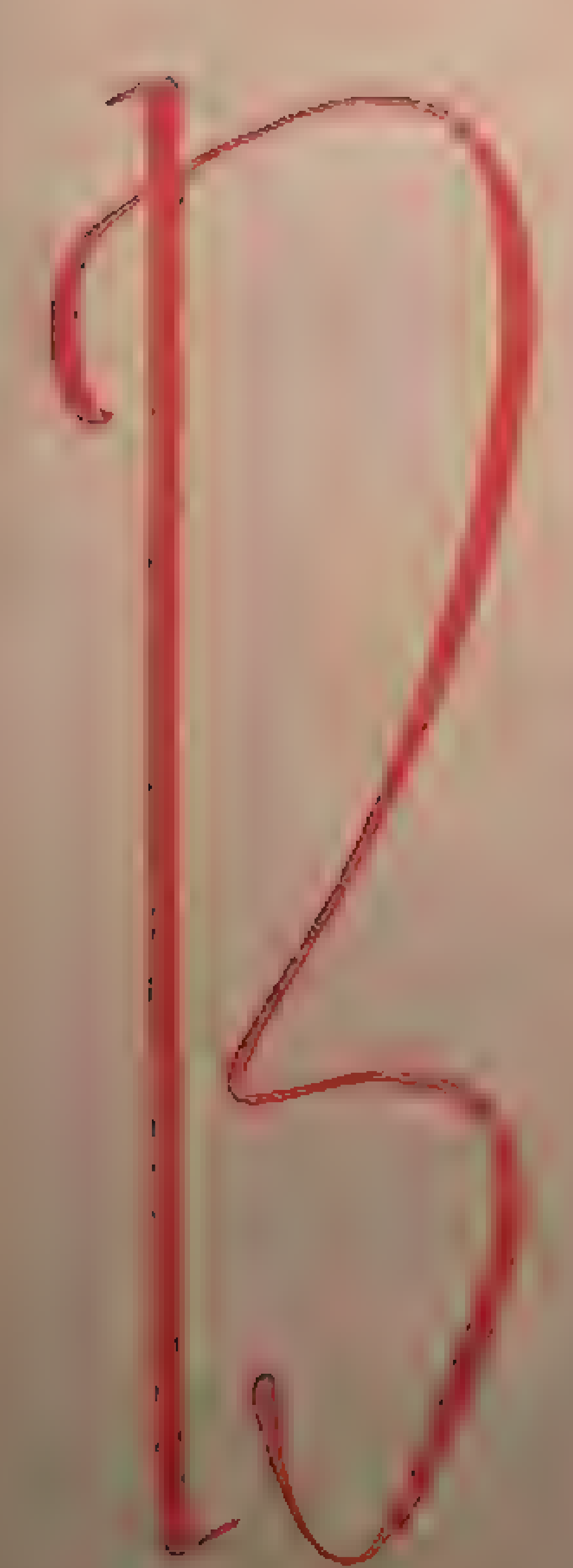
Так и легли спать голодные.

А наутро опять взялись кулеш из боронного зуба варить. До сих пор варят.

старое время жил да был мужичок. У мужичка была пчела.

В той же деревне жил дьячок, больно до меда лаком.

Вот родился у дьякона сын. Пришел он мужичка просить кумом быть — захотелось это ему попробовать медку.

Ребенка окрестили, мужик кумом стал.

На другой день приходит к мужичку дьякон и просит для крестника меду. Мужичок ему дал.

Не прошло и недели, а дьякон опять за медом. Как ему отказать?..

Стал дьякон весь мед у мужичка забирать, только успевай наливать. Придет и говорит:

— Кум, а кум! Твой крестник просит меду. Еще и выговорить не может, а уже кричит «ме» да «ме».

Не стало терпения у мужичка, ре-

шил он проучить жадного дьякона.

— Ладно, — говорит, — дам тебе меду. Только сам за ним ступай, сколько хочешь, столько и набирай.

Обрадовался дьякон. «Вот, — думает, — теперь я поем вволю медку!»

Приводит его мужичок к дубку. А на том дубку было осиное гнездо. Приставил мужичок лестницу и говорит:

— Полезай, кум дьякон, угощайся. Вон улей у меня наверху. Только не ругай мою пчелу, а то она от этого злой становится.

Залез дьякон на дуб, а мужичок взял лестницу да и прибрал. Осы налетели, со всех сторон дьякона облепили. Стали его жалить. Он только отмахивается да приговаривает:

— Ну вас, пчелки, к богу в рай!..

А они еще пуще жалят.

Не вытерпел дьякон. Кличет кума:

— Кум, подай ту...

С перепугу забыл, как лестница называется.

Подает ему мужик лопату.

Дьякон еще громче кричит:

— Кум, не это, а то!

Вынес ему мужик долото.

А осы дьякона все жалят и жалят. Кричит он:

— Кум! Больше терпеть нет силы!..

Подает ему мужичок вилы.

Не выдержал дьякон, с дуба сорвался. Вниз летел, за сучки цеплялся.

— Ой, какие злые пчелы! — говорит. — Какой плохой мед!..

С тех пор зарекся за даровым медом ходить.

Волк жадный, на чужое добро повадный

В некотором царстве, в некотором государстве снег горел, соломой тушили, много народа покрушили, но тем дела не решили.

Бегут двенадцать волков. За двенадцатью волками бегут старики с колами.

Один волк говорит:

— Старички, остановитеся, домой воротитеся!.. Мой отец едал у вас по сто овец, а я к вашему стаду и не притронусь.

Старики волку поверили, словам его умилилися, домой воротилися.

А волк жадный, на чужое добро повадный, бежит дальше. Глядь, ходит свинья с поросятами. Он ей говорит:

— Я тебя, свинья, съем!

Испугалась свинья:

— Не тронь меня, волк! Возьми у

меня меньшого поросеночка — куценького, кургузенького.

Откупилась свинья от волка.

Взял волк куценького, кургузенького поросеночка за спинку, сдернул с него кожуринку. Сидит и ест.

Откуда ни возьмись — лиса:

— Здравствуй, куманечек, миленький дружочек! Была я в городе Иерусалиме, там тебя все хвалили. Говорят, ты волк серый, смелый. Я к тебе пришла в гости, глодать свиные кости.

Отвечает ей волк жадный, на чужое добро повадный:

— Ты что за тварь, читаешь мне такой букварь? Ступай отсюда, а не то будет тебе то же, что было куценькому, кургузенькому поросеночку.

Испугалась лиса. Вытягивает ноги, бежит по дороге.

Отправляется лиса в брянские леса. Глядит, на дубку сидит петух на суку.

Говорит ему лиса:

— Здравствуй, петушочек, миленький дружочек! Была я в городе Иерусалиме, там тебя все хвалили. Говорят, у тебя шелковая бородка, крылышки-то рябенькие, сапожки-то красненькие. Я — ваша духовная мать — хожу по курятникам вас исповедать. Ты, Петя, грешник, ты беззаконник, семьдесят семь жен имеешь.

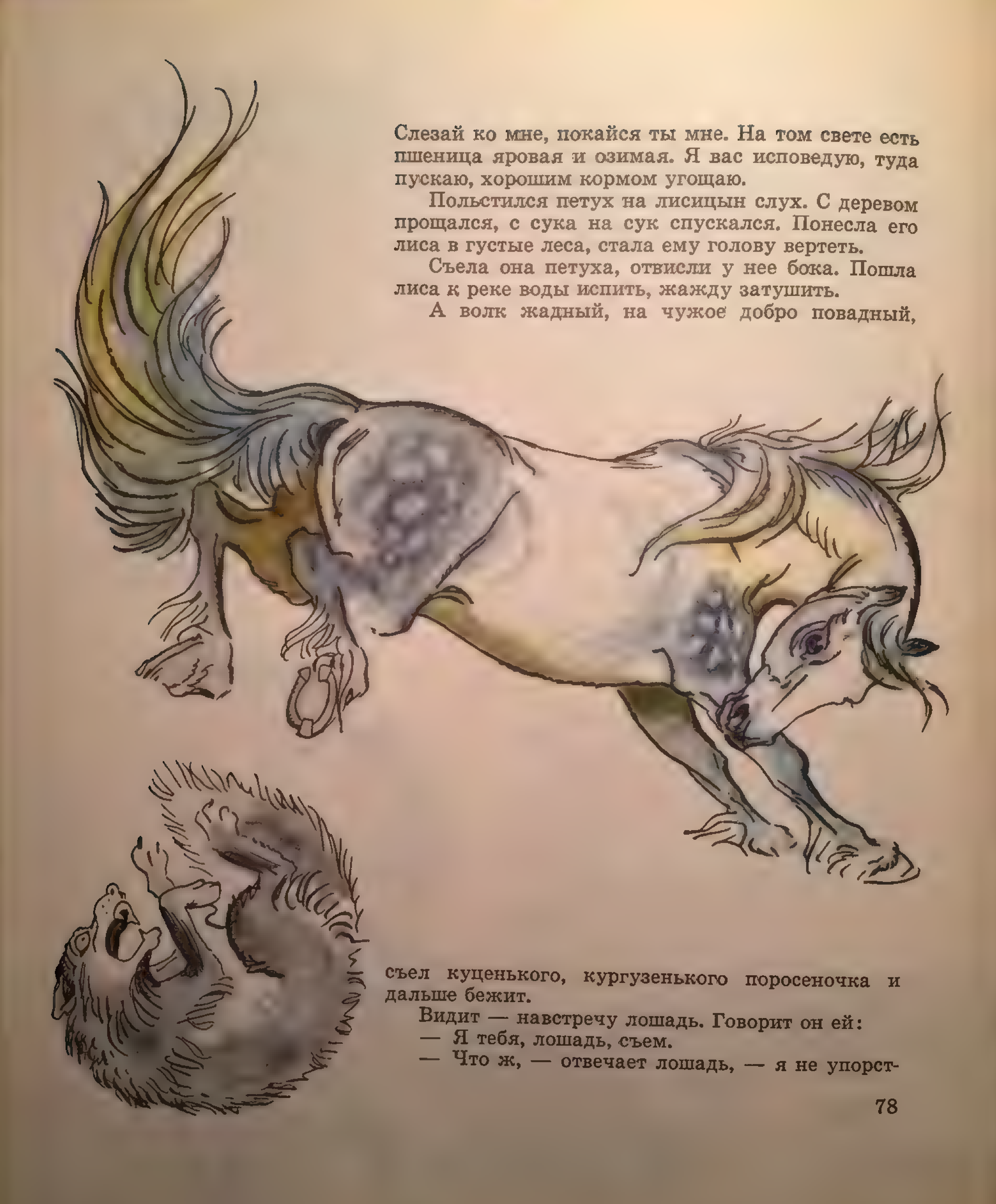

Слезай ко мне, покайся ты мне. На том свете есть пшеница яровая и озимая. Я вас исповедую, туда пускаю, хорошим кормом угощаю.

Польстился петух на лисицын слух. С деревом прощался, с сука на сук спускался. Понесла его лиса в густые леса, стала ему голову вертеть.

Съела она петуха, отвисли у нее бока. Пошла лиса к реке воды испить, жажду затушить.

А волк жадный, на чужое добро повадный,

съел куценького, кургузенького поросеночка и дальше бежит.

Видит — навстречу лошадь. Говорит он ей:

— Я тебя, лошадь, съем.

— Что ж, — отвечает лошадь, — я не упорст-

вую. Только должен ты сперва мой паспорт прочитать. Он у меня на задней ноге, на правом копыте написан.

Забежал волк сзади, чтобы паспорт прочитать. Она его брык! Прибила до полусмерти!

Лежит волк у стога, лижет свои бока.

«Дурак я, дурак, — думает. — Зачем мне надобен был паспорт? Я бы ее и без паспорта съел. Теперь, кто ни попадись, пощады от меня не жди!»

Видит, бредет баран — крутые рога, тонкие копыта.

Говорит ему волк жадный, на чужое добро повадный:

— Я тебя, баран, проглочу.

— Ну что же, разевай рот — я целиком вскочу.

Раскрывал волк пасть, а баран разбежался да — шасть! Так рогатым лбом его ударил, что волк без памяти свалился, чуть жизни не лишился.

Насилу на ноги поднялся, к реке подался.

Глядь — лиса бежит. Не стал волк ее ни о чем спрашивать.

Взял куму за спину, сдернул с нее кожурину. Съел без остатка, показалось ему сладко.

Бежит дальше.

Прибегает в иное государство.

Светит там солнышко ясное, стоят города прекрасные. Люди живут-поживают, добра наживают, свою землю пуще глаза охраняют.

Увидели волка, с дубьем за ним бегут, вот-вот прибьют.

Говорит им волк:

— Люди добрые, остановитеся, домой воротитеся. Пришел я к вам не для ссоры, а посмотреть на ваши заборы!

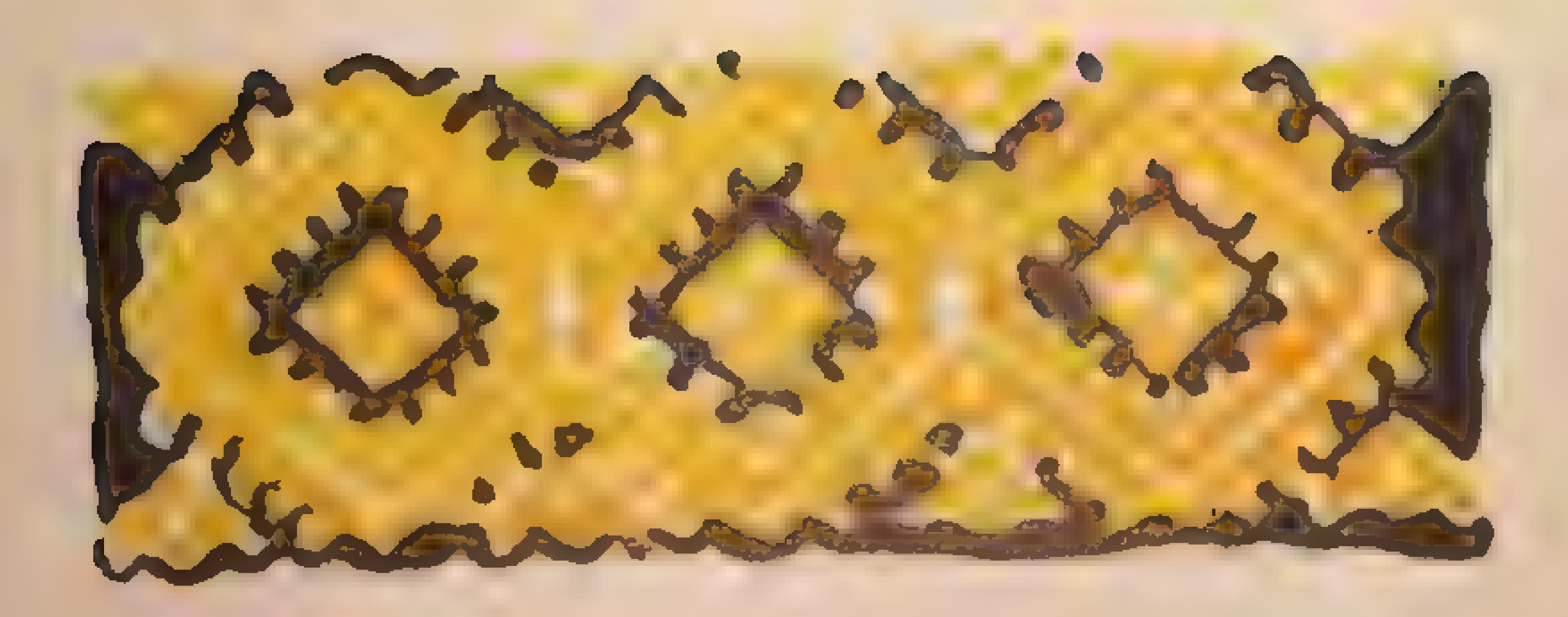
Отвечают они ему:

— Знаем мы, что ты за тварь, известен нам твой букварь. Ты — волк жадный, на чужое добро повадный. Не ходить тебе по нашей земле!

Стали они его бить, только шерсть летит.

До тех пор волк и жил.

Содержание

ДЛЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

СКАЗКИ А. К. БАРЫШНИКОВОЙ
(Куприянихи)

Литературная обработка *М. М. Сергеенко*

Редактор *К. К. Покровская*. Художественный редактор *М. В. Таирова*. Технические редакторы *В. А. Авдеева, В. А. Преображенская*. Корректор *Л. М. Логунова*

Сдано в набор 13/VIII-70 г. Подписано к печати 25/VIII 71 г. Формат бум. 60×90/8. Физ. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 7,6. Изд. инд. ЛД–278. Тираж 100 000 экз. Цена 87 коп. в переплете. Бум. № 1. 7–6–2. 294–71.

Издательство «Советская Россия». Москва, К-12, пр. Сапунова, 13/15.
Калининский полиграфкомбинат детской литературы Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46. Заказ № 778.

87 коп.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ